

**ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

На правах рукописи

Диакон Сергей ИВАНОВ

**Святой Патриарх Тихон и кампания по изъятию
церковных ценностей в 1922 году
(исторический и канонический аспекты)**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата богословия

Москва 2017

Работа выполнена на кафедре общей и русской церковной истории
и канонического права Богословского факультета Православного
Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Научный руководитель: доктор церковной истории, кандидат исторических наук,
священник Александр Мазырин

Официальные оппоненты: кандидат физико-математических наук,
священник Александр Щелкачев

кандидат богословия, кандидат исторических наук,
священник Димитрий Сафонов

Защита состоится « ____ » _____ 2017 г. в ____ часов на заседании
Диссертационного совета при Православном Свято-Тихоновском гуманитарном
университете по адресу: 127051, Москва, Лихов пер., д. 6, Зал Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Православного Свято-
Тихоновского университета по адресу: 127051, Москва, Лихов пер., д. 6.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2017 г.

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Позиция Св. Патриарха Тихона в отношении изъятия ценностей из действующих храмов, предпринятого советской властью в 1922 г. под лозунгом помощи голодающим, давно требует исторического и канонического анализа по нескольким причинам. Первой из них следует назвать критику Предстоятеля Русской Церкви со стороны советских чиновников и журналистов, раскольников-обновленцев и даже части православного епископата, возникшую уже в начале кампании по изъятию. В соответствии с ней, ссылки на 73-е Апостольское правило и 10-е правило Константинопольского Двукратного Собора, указанные в осудившем изъятие патриаршем послании от 28 февраля 1922 г., были якобы неверными, поскольку не запрещали употреблять священные сосуды на дела милосердия¹. Другой причиной является текущее состояние современных исследований, в которых не только продолжают повторяться пропагандистские стереотипы советской печати, например, о том, что в 1922 г. Патриарх Тихон занял «антинародную позицию»², или о слабом отклике Церкви на просьбы правительства о помощи как причине изъятия ценностей³, но уже рождаются новые непродуманные предположения — о несоответствии патриаршей интерпретации декрета об изъятии ценностей действительному содержанию документа и т. п.⁴ Не менее значимой является необходимость в более полном освещении помощи голодающим со стороны Церкви, что позволило бы выяснить действительное значение обвинений в сокрытии сборов на голодных и «жадности» по адресу вставшего на защиту святынь духовенства во главе с Патриархом. Наконец, уже слишком долго ждут ясного ответа два важнейших вопроса: были ли церковные ценности крайне необходимы правительству для борьбы с голодом? Как в действительности состоялась их реализация и не стала ли она тем поруганием святынь, против которого выступил свт. Тихон? К сожалению, имеющиеся сегодня у историков представления по этой проблеме либо верны только в малой части, либо не имеют достаточного научного обоснования.

Детальное описание и анализ позиции святителя Тихона в вопросе изъятия ценностей с учетом новых данных об исторических условиях, в которых осуществлялась церковная помощь голодающим и реализация изъятого из храмов имущества, позволили бы прояснить как надежность ее канонического обоснования, так и степень корректности оценок оппонентов Патриарха по этому вопросу. Разбор аргументов сторон и, прежде всего, ответов Святейшего Тихона на критику необходим для восстановления в правах собственно

¹ Материалы для агитаторов по вопросу об изъятии церковных ценностей для голодных. М., [1922]. С. 16; Следственное дело Патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 195, 209.

² *Шаранов Ю. П.* Первая «оттепель»: Нэповская Россия в 1921–1928 гг.: вопросы идеологии и культуры (размышления историка). М., 2006. С. 102.

³ См.: *Расим Дирсехан Орс.* Русские, Ататюрк и рождение Турецкой Республики в зеркале советской прессы 1920-х годов. М., 2012. С. 21.

⁴ См.: *Газов Е. А.* Изъятие церковных ценностей в уездах Московской губернии по сводкам информационного отдела ГПУ // Церковно-исторический вестник. 2009/2010. № 16–17. С. 12.

церковной точки зрения на изъятие священных предметов из храмов в начале 20-х годов XX века.

Объектом исследования является церковная реакция на голод 1921–1922 гг. и насильственное изъятие имущества из храмов в 1922 году с декларированной властью целью помощи голодающим.

Предмет исследования — отношение св. Патриарха Тихона к изъятию госорганами церковных ценностей и, в особенности священных предметов, в свете церковных канонов.

Хронологические рамки исследования. Диссертационная работа охватывает период с 1921 г., связанного с началом сильнейшего голода в России и церковных мероприятий по борьбе с ним, по 1931 г., когда закончился процесс чеканки монет, в котором использовалось церковное серебро, а также продан значительный объем изъятых в 1922 г. церковных ценностей.

Историография и степень разработанности проблемы. Особенностью советской историографии за весь период ее существования являлось повторение идеологических клише, заданных еще во времена изъятия членами Комиссии по учету и сосредоточению ценностей, возглавляемой Л. Д. Троцким⁵, а также сотрудниками ЦК Помгол при ВЦИК⁶. К ним относятся утверждения о колоссальных церковных богатствах и недостаточности приходских сборов на голодающих, имуществе Церкви как единственном ресурсе спасения умирающих от голода, ходатайствах делегаций из бедствующих губерний, выдаваемых за причину правительственного декрета об изъятии церковных ценностей, контрреволюционности иерархии во главе с Патриархом Тихоном, отказавшимся отдать ценности, и наконец, состоявшейся реализации изъятых из храмов имущества на помощь голодным. В тот же период тезис о «контрреволюционной позиции» Предстоятеля Русской Церкви был дополнен «опровержением» канонического обоснования патриаршего взгляда на изъятие ценностей, изложенного в послании от 28 февраля 1922 г. Несмотря на оговорки, что советское правительство не обязано считаться с церковными канонами, власти понимали, что без аргументированной критики канонического аспекта патриаршего послания в агитации останется существенный изъян, а в действиях приходов, вставших на защиту святынь, — нравственная сила церковного законодательства.

В 1930-е гг. историки-атеисты продолжали выпускать крайне идеологизированные труды, содержащие уже сложившиеся представления о «контрреволюционных» действиях православной иерархии во главе с Патриархом Тихоном в период изъятия ценностей⁷. Они без сомнений воспроизводили мифы советской прессы из 1922 г., в том числе о непоступлении

⁵ *Сосновский Л. С.* «Кашей на сундуке» // Правда. 1922. 5 февраля. № 28. С. 2; *Горев М.* Голод и церковные ценности. М., 1922. С. 31.

⁶ *Моргенштерн М. М.* 15 месяцев голодного фронта // Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг. Сборник статей и отчетов. М., 1922. С. 21.

⁷ См.: *Парнищев А.* Церковная контрреволюция и гражданская война. Л., 1930; *Кандидов Б. П.* Голод 1921 года и церковь. М.-Л., 1932; *Амосов Н. К.* Октябрьская революция и церковь. М., 1937; *Олещук Ф.* Борьба церкви против народа. М., 1939; *Юрин А.* Под маской религии. М., 1939 и др.

голодающим церковных сборов, «прилипшим к поповским рукам»⁸, о столкновении с «верующими, обманутыми церковными агитаторами»⁹, об аресте и предании суду святителя Тихона «по требованию народа»¹⁰ и т. п. Наряду с подобными небылицами стали появляться и новые легенды, например, о том, что Патриарх «обратился тогда к верующим с призывом оказывать изъятию ценностей вооруженное сопротивление»¹¹.

После заметного спада активности в 1940-х – первой половине 1950-х гг., антицерковная литература вновь уверенно заявила о себе, продолжая приписывать духовенству, вставшему на защиту святынь в 1922 г., призывы «к вооруженному восстанию против советской власти»¹². С начала 1960-х гг. отечественные исследования, так или иначе затрагивающие вопросы отношения Русской Православной Церкви к голоду 1921–1922 гг. и проведенной государством кампании изъятия ценностей, стали постепенно приобретать наукообразную форму с опорой на избирательно подобранные архивные источники. Правдивее от этого они не стали, что, собственно, и не входило в идеологические задачи официальной историографии. С целью очернения Церкви авторы антирелигиозных работ объявляли причиной протестов духовенства корыстные мотивы и, умалчивая о церковном вкладе в помощь голодающим, дошли до обвинений в ее саботаже¹³. Голословно утверждая, что патриаршее послание от 28 февраля 1922 г. «не нашло отклика среди верующих»¹⁴, они не сомневались, что главой «церковной контрреволюции» являлся именно Патриарх, который пошел на «обман» даже во время судебных процессов¹⁵. Между тем вопрос о реализации церковных ценностей считался давно доказанным и излагался в качестве догмы, не предполагающей сомнений: «Церковное золото, серебро и драгоценные камни были использованы на покупку за границей продовольствия для голодающих Поволжья»¹⁶.

Так продолжалось до конца 1980-х гг. Кроме переиздания прежней литературы безудержное насаждение атеизма в стране требовало новых работ с критикой православия. Теперь данная задача решалась достаточно большим кругом дипломированных специалистов, породивших требуемые КПСС произведения¹⁷. Советским читателям вновь и без особой затраты усилий

⁸ Кандидов Б. П. Указ. соч. С. 22.

⁹ Амосов Н. К. Указ. соч. Издание второе. М., 1939. С. 30.

¹⁰ Лебедев А. Ф. Великая Октябрьская социалистическая революция и церковь. Сталинград, 1940. С. 41.

¹¹ Юрин А. Указ. соч. С. 4.

¹² Потемин И. Кому служит религия? Пенза, 1959. С. 16.

¹³ Чемерисский Н. А. Изъятие в 1922 г. церковных ценностей для помощи голодающим // Вопросы истории религии и атеизма. Т. X. М., 1962. С. 193.

¹⁴ Лившиц Г. М. Религия и церковь в прошлом и настоящем. Минск, 1961. С. 78.

¹⁵ Плаксин Р. Ю. Крах церковной контрреволюции 1917–1923 гг. М., 1968. С. 148.

¹⁶ История СССР с древнейших времен до наших дней. Серия вторая. Т. VIII. М., 1967. С. 61.

¹⁷ См.: Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной Церкви. Казань, 1970; Лисавцев Э. И. Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР. М., 1971; Курочкин П. К. Эволюция современного русского православия. М., 1971; Гордиенко Н. С. Эволюция русского православия. М., 1984; Куроедов В. А. Религия и церковь в Советском государстве. М., 1984; Корзун М. С. Русская православная

предлагались тезисы о «контрреволюционной» линии Церкви в голодном 1922 г., которой она «дискредитировала себя в глазах верующих»¹⁸, «фальшивой ссылке» Патриарха Тихона на «якобы нарушаемые при изъятии ценностей каноны»¹⁹, «позорной странице» церковной истории, вписанной сопротивлением Патриарха государственному декрету²⁰, а также о том, что «изъятие церковных ценностей оказалось целесообразной и своевременной мерой»²¹.

В добавление к сказанному о советских методах освещения позиции Патриарха Тихона в период изъятия ценностей нужно указать на двух церковных историков, не причастных к классовому подходу и тенденциозности в оценках церковно-государственных отношений тех лет, — А. И. Кузнецова и М. Е. Губонина. Их труды не были опубликованы при жизни, но и оставаясь «под спудом», все же дошли до читателей как пример своевременного и честного исследования. Ценность рукописи А. И. Кузнецова «Обновленческий раскол в Русской Церкви», законченной в 1959 г., заключалась в альтернативном обвинительному толкованию разъяснении смысла патриаршего послания от 28 февраля 1922 г. В соответствии с ним, послание не призывало верующих к сопротивлению и не запрещало, а благословляло сдачу не освященных церковных ценностей²². Сборник документов М. Е. Губонина «Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России» содержал предисловие составителя с эмоциональной, но точной оценкой достижений «научного атеизма» по части антицерковной критики: «Вся эта масса якобы научной литературы настолько скомпрометирована своей беспардонной демагогией, подтасовыванием фактов и бессовестностью выдумок, что в глазах историка представляется ничем иным, как необъятной горой макулатуры...»²³. В комментариях к собранным документам Губонин справедливо назвал обвинительное дело против Патриарха «беспомощным лепетом», не способным создать даже иллюзию виновности подсудимого и отражающим состояние законности в стране²⁴.

В отличие от российских реалий в эмиграции церковная общественность имела свободу слова и смогла засвидетельствовать факты гонения на Церковь в своем отечестве. Именно в русском зарубежье публично прозвучали первые оценки патриарших действий в 1922 г., противоположные насаждаемым в России. Так, в мае 1925 г. в журнале «Путь» о свт. Тихоне был опубликован очерк

церковь, 1917–1945 гг.: изменение социально-политической ориентации и научная несостоятельность вероучения. Минск, 1987 и др.

¹⁸ Шикин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной церкви. Автореф. докт. дисс. Саратов, 1973. С. 12.

¹⁹ Кривелев И. А. Русская Православная церковь в первой четверти XX века. М., 1982. С. 48.

²⁰ Куроедов В. А. Указ. соч. С. 64.

²¹ Хенкин Е. М. Очерки истории борьбы советского государства с голодом (1921–1922). Красноярск, 1988. С. 92.

²² Кузнецов А. И. Обновленческий раскол в Русской Церкви // «Обновленческий» раскол (материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). Сост. И. В. Соловьев. М., 2002. С. 207.

²³ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти 1917–1943. Сборник в двух частях. Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 16.

²⁴ Там же. С. 733.

князя Григория Трубецкого, в котором утверждалось, что в борьбе против изъятия церковных ценностей Патриарх взял на себя всю ответственность, чтобы защитить других²⁵. В том же году в Париже вышла работа А. А. Валентинова «Черная книга («штурм небес»)», содержащая анализ советской прессы в части антицерковных кампаний государственной власти. Несколько глав книги касались изъятия ценностей, которое квалифицировалось как предлог для ограбления храмов. В отношении патриаршего послания от 28 февраля 1922 г. автор резонно констатировал, что оно закономерно требовало общественного контроля и было «попыткой оградить храмы от надругательства святотатцев»²⁶.

Представление о госкампании по изъятию церковного имущества как открытом ограблении храмов, вызвавшем стихийное народное возмущение, в русском зарубежье было распространенным. Обоснованность позиции Святейшего Патриарха Тихона никаких сомнений не вызывала, а причину конфликта между Церковью и советским государством видели в интересах новых правителей России. Согласно выводу одних исследователей, власти искали только повод для нового террора против Церкви²⁷, взгляды других предполагали более широкий спектр как идеологических, так и материальных причин, в том числе предшествующее опустошение государственной казны. Как считал протоиерей Кирилл Зайцев, советская власть «одним ударом решила и обогатиться за счет этих сокровищ, произведя повальный разгром православных храмов, и нанести непоправимый ущерб авторитету патриаршей власти, в обход ее обратившись к духовенству с требованием выдать церковные ценности на нужды голодающих»²⁸. Эти и другие труды русских исследователей²⁹, опирались только на открытые источники и как следствие, отличались значительной неполнотой и весьма краткими сведениями по интересующей нас теме.

Такие же недостатки были присущи и востребованной диссидентской литературе, в которой продолжались попытки осмысления гонений на Русскую Церковь через призму собственного опыта авторов, известных им рукописей и самиздатовских документов. Подобные работы, рассчитанные на общественно-политический резонанс, не носили научного характера, содержали множество ошибок и неверных суждений. Так, например, в популярных «Очерках по истории русской церковной смуты» А. Э. Левитина-Краснова и В. М. Шаврова, по главам распространявшихся самиздатом в 1960-е гг. в СССР и изданных, наконец, в Швейцарии в 1978 г., утверждалось, что позиция свт. Тихона в отношении церковных ценностей «не была разумна, как признавал впоследствии и сам патриарх Тихон»³⁰. В книге о Русской Церкви Л. Л. Регельсона, изданной во Франции в 1977 г., кампания по изъятию церковных ценностей практически

²⁵ Трубецкой Г. Памяти св. Патриарха Тихона // Путь. 1925. № 1. С. 87.

²⁶ Валентинов А. А. Черная книга («штурм небес»). Париж, 1925. С. 159.

²⁷ Новые мученики российские. Первое собрание материалов / Сост. протопресв. М. Польский. Джорданвилль, 1949. С. 101.

²⁸ Зайцев К., прот. Православная Церковь в советской России. Ч. I. Шанхай, 1947. С. 95.

²⁹ Рар Г. (А. Ветров). Плененная Церковь: очерк развития взаимоотношений между церковью и властью в СССР. Фанкфурт-на-Майне, 1954; Константинов Д., прот. Гонимая Церковь (Русская Православная Церковь в СССР). Нью-Йорк, 1967 и др.

³⁰ Левитин-Краснов А. Э., Шавров В. М. Очерки по истории русской церковной смуты. Москва; Kűsnacht, 1996. С. 53.

не освещалась, и даже связанный с ней обновленческий «переворот» не получил детального исследования. Автор, в частности, опубликовал и процитировал как настоящее, так и подложное прошение обновленцев на имя Патриарха Тихона об открытии канцелярии ВЦУ от 18 мая 1922 г., не заметив их принципиального различия³¹. В отличие от указанных писателей протоиерей Владимир Степанов (Русак) сделал попытку более пристально рассмотреть тему изъятия ценностей в книге «Свидетельство обвинения: Церковь и государство в Советском Союзе», первый том которой увидел свет сначала в России благодаря самиздату в 1980 г. и затем был издан в Джорданвилле в 1987 г. Результатом исследования стал закономерный вывод о том, что действия святителя Тихона в тот период «достойны всякого одобрения и поддержки»³². Тем не менее, и его работа содержала массу неточностей³³, наиболее явные из которых касались неправильного подсчета стоимости изъятых ценностей и заимствованных из советской литературы сведений, будто бы на церковные драгметаллы было закуплено 3 млн пудов хлеба за границей.

Вместе с русскими писателями, оказавшимися в эмиграции, вопросы о св. Патриархе Тихоне и изъятию церковных ценностей в России отчасти рассматривались зарубежными учеными³⁴. Значение этих работ заключалось, прежде всего, в попытках рассмотреть акцию изъятия в контексте большевистской идеологии и репрессивного характера решений властей. Причину обострения церковно-государственных отношений в 1922 г. западные историки видели в государственной политике, направленной не на поддержку церковной помощи голодающим, а на подрыв экономического положения православия. Они сомневались в том, что у государства не было других ресурсов для борьбы с бедствием, указывали на появление церковных ценностей на европейских рынках после окончания борьбы с голодом и ставили под вопрос правительственные заявления будто изъятые ценности были реализованы для решения именно этой проблемы. При отсутствии ссылок на еще засекреченные источники в России, а также анализа собственно канонического аспекта в истории с изъятием ценностей недостаточность подобных умозаключений была очевидной. По мере доступности новых документов выводы исследователей становились на более твердую почву. В их числе можно назвать оценку

³¹ Регельсон Л. Л. Трагедия Русской Церкви. М., 2007. С. 72, 289.

³² Степанов (Русак) В. Свидетельство обвинения. Т. 1. М., 1993. С. 224.

³³ На некоторые из них обратил внимание А. Э. Левитин. (см.: *Краснов-Левитин А. Факты и обвинения // Континент*. 1988. № 56. С. 291–306).

³⁴ См.: *Emhardt W. Religion in Russia under the Soviets*. New York, 1942; *Casey R. Religion in Russia*. New York; London, 1946; *Curtiss J. The Russian Church and Soviet State, 1917–1950*. Boston, 1953; *Spinka M. The Church in Soviet Russia*. New York, 1956; *Kolarz W. Religion in the Soviet Union*. London, 1961; *Bourdeaux M. Opium of the People. The Christian Religion in the USSR*. London, 1965; *Chrysostomus I. Kirchengeschichte Russlands der neuesten Zeit*. Bd. I. Patriarch Tichon, 1917–1925. München–Salzburg, 1965; *Conquest R. Religion in the USSR*. New York, 1968; *Rössler R. Kirche und Revolution in Russland. Patriarch Tichon und der Sowjetstaat*. Köln; Wien, 1969; *Fletcher W. The Russian Orthodox Church Underground. 1917–1970*. Oxford., 1971; *Robert Ch. Williams. Russian Art and American Money. 1900–1940*. Cambridge (Mass.) London, 1980; *Ellis J. The Russian Orthodox Church. A Contemporary History*. Indiana University Press, 1986; *The Bolsheviks in Russian Society: Revolution in Civil Wars*. Ed. by V. N. Brovkin. New Haven and London, 1997 и др.

ленинского письма членам Политбюро от 19 марта 1922 г. по поводу событий в Шуе как «поразительного документа», в котором большевистский вождь предлагал одновременно с атакой на Церковь получить финансовую выгоду за счет трагедии, возникшей во многом из-за его аграрной политики³⁵. Другим точным наблюдением была констатация огромной роли пропаганды в этой кампании, свидетельствовавшей о глубоком страхе властей за провал не имевшей народной поддержки антицерковной политики³⁶.

С начала 1990-х гг. в исследованиях российских ученых начинают использоваться рассекреченные архивные источники, благодаря которым изъятие церковных ценностей в 1922 г. предстало частью более общей и секретной кампании по учету и сосредоточению ценностей страны, имевшей собственные, не связанные с голодом цели. Среди первых, кто взялся за подкрепленное новыми документами освещение обсуждаемой темы был М. И. Одинцов. В своих многочисленных работах он указал на опустевшую госказну как предпосылку кампании по изъятию ценностей, руководящую роль и заинтересованность наркома по военным делам Л. Д. Троцкого, а также незначительные итоги изъятия, не составившие и 5% от общих поступлений в фонд помощи голодающим. Вместе с тем из-за во многом описательного подхода к этой истории Одинцов счел возможным воспроизвести советские агитационные штампы о том, что власти с помощью церковных ценностей предполагали бороться с голодом, а духовенство еще в ноябре 1921 г. высказывалось в поддержку изъятия имущества из действующих храмов³⁷. Ученый также бездоказательно утверждал, будто бы за счет полученных от изъятия средств были спасены «тысячи и тысячи человеческих жизней»³⁸.

В 1994–1995 гг. в отечественных журналах появились две содержательные статьи Н. Н. Покровского, ставшие необходимым введением к впервые опубликованным там же документам Политбюро ЦК РКП(б) и ГПУ, касающихся Русской Церкви и Ее Предстоятеля. Их достоинством являлся внимательный и аргументированный анализ протоколов допросов святителя Тихона³⁹, а также постановлений Политбюро, писем Троцкого, сводок СО ГПУ и других, крайне важных материалов, относящихся к рассматриваемому периоду времени⁴⁰. В одной из статей была опубликована ведомость количества собранных в действующих храмах ценностей на 1 ноября 1922 г. с указанием их стоимости в

³⁵ *Пайнс Р.* Россия при большевиках. М., 1997. С. 422.

³⁶ *Дейли Д.* Штурм последней крепости: большевистская атака на Церковь в 1922 году // Ученые записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. 2000. Вып. 6. С. 92.

³⁷ *Одинцов М. И.* Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. Часть I: «Дело» патриарха Тихона; Крестный путь патриарха Сергия. М., 1999. С. 27.

³⁸ См.: *Одинцов М. И.* «Изъять из церковных имуществ...» // Гласность. 1991. 1–7 августа. № 31. С. 6; *Одинцов М. И.* Золото Льва Троцкого // Религия, Церковь в России и за рубежом. Информационный бюллетень № 6. М., 1995. С. 65.

³⁹ *Покровский Н. Н.* Политбюро и Церковь. 1922–1923. Три архивных дела // Новый мир. 1994. № 8. С. 186–213.

⁴⁰ *Покровский Н. Н.* Документы Политбюро и Лубянки о борьбе с Церковью в 1922–1923 гг. // Ученые записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. 1995. Вып. 1. С. 125–174.

размере 4 650 810 золотых руб. 67 коп. (без учета антикварных вещей). Эти данные, как основанные на реальных документах ЦК Последгол, несколько охладили пыл сторонников больших цифр⁴¹, получив широкое распространение в научной литературе второй половины 1990-х гг. Вместе с тем, отражая только предварительные телеграфные сведения с мест на начало ноября 1922 г., указанные цифры являлись крайне неточными и позднее были скорректированы в других отчетах ЦК Последгол, которыми пользовались уже советские историки. Другим недостаточно обоснованным предположением Покровского стало утверждение о том, что изъятые церковные ценности в основном пошли на саму кампанию по изъятию и организацию раскола Русской Православной Церкви⁴². Аргументы ученого базировались на представлении, что расходы на многомесячную кампанию следует считать из расчета 1,5 млн золотых руб. в месяц⁴³ и это примерно покрывало указанную им стоимость церковных ценностей. Ошибка подобной точки зрения заключалась в неполном учете условий изъятия, в соответствии с которыми реальное финансирование кампании прошло в значительно меньшем объеме, причем не в золотых, а советских обесценивавшихся рублях и в пределах оплаты только одного месяца работ, указанного как в декрете ВЦИК, так и в согласованной с НКФином смете расходов по изъятию церковных ценностей.

Высоко оценили патриаршие действия О. Ю. Васильева и П. Н. Кнышевский, считая, что во времена противостояния бесчинству властей Святейшему Тихону было не до дипломатии. Затравленный и обреченный, он знал, что идет на голгофу, но с пути не свернул. Назвав кампанию по изъятию церковных ценностей безрассудством правительства, историки напомнили, что Патриарх публично предупредил о сомнительности больших надежд на изъятие, а также предложил иные способы решения проблемы голода⁴⁴. Для решения актуального вопроса о реализации церковных ценностей у авторов не хватило необходимых источников, и они вынуждены были ограничиться предположениями. Утверждая, что «подавляющая часть церковного добра пошла в переработку»⁴⁵, а советские монеты из отобранного у приходов серебра появились осенью 1922 г. и из церковного золота — в 1923 г.⁴⁶, документальных подтверждений они не предоставили. По серебру таких документов и быть не могло, поскольку первая партия церковного серебра Помгола, отправленная на Петроградский Монетный двор в конце августа 1922 г., пошла в плавку только в 1923 г.⁴⁷, а насчет церковного золота внятных доказательств его реализации на

⁴¹ В начале и середине 1990-х гг. публицисты предпочитали говорить о миллиардах. Например, И. Бунич полагал, что стоимость изъятых в 1922 г. церковных ценностей составила 2, 5 млрд золотых руб., но ее можно, с учетом оценок западных специалистов, «увеличить раза в три» (см.: Бунич И. Золото партии. СПб., 1992. С. 92). А. Г. Латышев, упоминая такого рода цифры, ссылаясь на доклад председателя Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий А. Н. Яковлева на конференции 27 ноября 1995 г. (см.: Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 171).

⁴² Покровский Н. Н. Политбюро и Церковь... С. 199.

⁴³ Покровский Н. Н. Документы Политбюро и Лубянки... С. 129.

⁴⁴ Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н. Красные конкистадоры. М., 1994. С. 158.

⁴⁵ Там же. С. 189.

⁴⁶ Там же. С. 192.

⁴⁷ См.: РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 305. Л. 38, 336 об; Там же. Оп. 1. Д. 6766. Л. 1.

чеканку монет у отечественных историков нет до сих пор. Другое недоказанное предположение ученых касалось будто бы выделенных НКФинком 2 млн золотых руб. в счет церковных ценностей⁴⁸. Эта цифра со ссылкой на «Красных конкистадоров» затем стала повторяться и в других работах⁴⁹. Источником данных сведений являлось интервью члена Президиума ЦК Помгол А. Н. Винокурова, опубликованное в просоветской берлинской газете «Накануне»⁵⁰, но Винокуров с заявлением поторопился: НКФин сократил кредит и следствием произошедшего стало упоминание в публичной отчетности ЦК Помгол не 2-х, а 1 млн золотых руб. В 1996 г. О. Ю. Васильева вместе с Я. Н. Щаповым подготовила сборник в большинстве своем новых документов под названием «Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941». В предисловии и вводных статьях авторы указали на лживость советской официальной версии о сопротивлении Русской Церкви передаче своих ценностей на помощь голодающим, заметив, что собственная инициатива и самостоятельное участие Церкви в этом деле были отвергнуты властью⁵¹.

О просчетах большевиков в отношении церковного золота говорилось в исследовании М. Ю. Крапивина «Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (октябрь 1917–конец 1930-х годов)». Ссылаясь на публичные отчеты ЦК Помгол, ученый подчеркнул примечательный факт: из-за преувеличенного агитацией количества ожидаемых от изъятия ценностей, резко снизился объем пожертвований со стороны населения. Наряду с ценными замечаниями, работа Крапивина содержала досадные недочеты. К ним относится, например, бездоказательное предположение, что причиной патриаршей просьбы о восстановлении инструкции о порядке церковных сборов в письме М. И. Калинину от 25 февраля 1922 г. являлось опасение «потери всей массы церковного золота и серебра»⁵². Ошибочное утверждение автор сделал и по поводу обсуждавшейся властями «недели возвращения церковных ценностей», истолковав ее как возврат госорганами неиспользованных вещей «с целью умиротворения масс верующих»⁵³. В действительности речь шла о том, чтобы начать очередную агитационную кампанию, в которой духовенству было бы предложено вернуть государству спрятанные во время изъятия ценности. Перспектив у такой кампании в условиях нового урожая и ликвидации ЦК Помгол не было, и попытки ее проведения не нашли поддержки у ВЦИК.

В 1997 г. вышла в свет значительная работа Н. А. Кривовой «Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и

⁴⁸ Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н. Указ. соч. С. 188.

⁴⁹ Зайцев А. Как большевики боролись с голодом, но уничтожали Церковь // Интернет-издание «Татьянин день». <http://www.taday.ru/text/1538130.html> (дата обращения: 23.11.2014); Говорова И. В. Изъятие церковных ценностей в 1922 г. в контексте государственно-церковных отношений. Канд. дисс. М., 2006. С. 206.

⁵⁰ Изъятие церковных ценностей и помощь голодающим (беседа с сотрудником «РОСТА») // Накануне. 1922. 7 июня. № 58. С. 2.

⁵¹ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 8, 67.

⁵² Крапивин М. Ю. Непридуманная церковная история: власть и Церковь в Советской России (октябрь 1917–конец 1930-х годов). Волгоград, 1997. С. 66.

⁵³ Там же. С. 79.

политическое подчинение духовенства». Обратив внимание на вклад Церкви в борьбу с голодом, исследовательница вслед за другими историками отметила, что отказ в признании церковных комитетов Помгол со стороны властей имел формальное основание в инструкции Наркомюста от 30 августа 1918 г., запретившей благотворительную деятельность всем религиозным организациям. Здесь же подчеркивалось, что взгляды Патриарха во время изъятия ценностей были обоснованы каноническими правилами, а его позиция во время допросов в 1922–1923 гг. в принципиальных вопросах осталась непоколебленной, что и предрешило его участь. К недостаткам книги следует отнести некритическое повторение отдельных выводов, сделанных другими исследователями данной темы. Так, была воспроизведена ошибка протодиакона В. Русака о том, что к апрелю 1923 г. у Церкви дополнительно изъяли 26 пудов золота и 24 565 пудов серебра вместе с другими ценностями⁵⁴, тогда как эти цифры на самом деле отражали итоговую по данным ЦК Последгол картину изъятия к указанной дате. Повторился и вывод Н. Н. Покровского о том, что большая часть изъятых ценностей была потрачена на саму кампанию по изъятию храмового имущества, а его стоимость определена из того же источника в 4 650 810 руб. 67 коп., то есть менее точно, чем в итоговых отчетах ЦК Последгол⁵⁵. Наряду с этим автор полагала, что предложение Л. Д. Троцкого о продаже драгоценностей на десятки миллионов золотых рублей, направленное наркому внешней торговли Л. Б. Красину после совместного заседания 23 марта 1922 г., касалось церковных драгоценностей⁵⁶, что также не соответствовало действительности.

Одновременно с работой Кривовой вышел сборник рассекреченных документов «Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг.», составители которого Н. Н. Покровский и С. Г. Петров в своих комментариях дали превосходный анализ различных аспектов кампании по учету и сосредоточению ценностей страны. В контексте новых данных позиция Патриарха Тихона была изложена в ином освещении, чем транслировалась в советской и обновленческой прессе тех лет. Авторы документально подтвердили, что патриаршее благословение жертвовать предметы, не имеющие богослужебного употребления, было связано с условиями добровольного согласия между Церковным Управлением и ЦК Помгол, при которых «Церковь не могла согласиться ни на что иное»⁵⁷. В отношении количества сосредоточенных Троцким ценностей республики исследователи указали на имевшую место в высших эшелонах власти дискуссию, в рамках которой их стоимость оценивалась от 100 млн до 1 млрд золотых руб.⁵⁸ При этом оценки касались драгоценностей Дома Романовых, по отношению к которым стоимость изъятого из действующих церквей имущества не дотягивала и до 1%. Последнее по-прежнему оценивалось Н. Н. Покровским в 4, 6 млн золотых руб., однако его

⁵⁴ Кривова Н. А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997. С. 119.

⁵⁵ Там же. С. 118, 122.

⁵⁶ Там же. С. 120

⁵⁷ Архивы Кремля. В 2-х кн. / Кн. 1. Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. М.-Новосибирск, 1997. С. 473.

⁵⁸ Там же. С. 18.

реализация определялась уже более корректно: «церковные ценности пошли в первую очередь на самую кампанию по изъятию...»⁵⁹.

Важнейшее значение для историков имела публикация вводной статьи к материалам следственного дела Патриарха Тихона из Центрального архива ФСБ, издание которых было осуществлено в 2000 г. редакционным коллективом из ПСТБИ под руководством его ректора, протоиерея Владимира Воробьева. Авторы предисловия (прот. В. Воробьев, Н. А. Кривова, С. Н. Романова, А. В. Щелкачев) предложили читателям первый ясный церковно-канонический анализ патриаршего послания от 28 февраля 1922 г., содержавшего точку зрения святителя Тихона на изъятие евхаристических сосудов. Данное послание не являлось ошибочным — к такому выводу пришли церковные историки в результате проведенного исследования. Несмотря на то, что в канонах не содержалось запрета на пожертвование священных сосудов для спасения голодных, Церковь не имела ни уверенности в надлежащем направлении ценностей, ни реального контроля за их расходом. И понятно, почему — рассекреченные документы подтвердили, что изъятие «изначально было задумано как ограбление Церкви под предлогом голода и провокация с целью расправы над духовенством»⁶⁰. Одним из ценных достижений ученых явилось обоснование воздержания святителя Тихона от необходимых, но невозможных ссылок на Московский Собор 1917–1918 гг.: они привели бы к нападкам уже на постановления самого Собора и лишним обвинениям верующих⁶¹. Выводы, сформулированные в предисловии по отношению к «покаянным документам» Патриарха, соответствовали опубликованным в сборнике материалам: св. Тихон принял только некоторые из навязанных ему «признаний», которые смог объявить достойным образом. Вместе с тем аргументация исследователей в поддержку позиции Патриарха осталась незавершенной: в решении проблемы реализации ценностей они повторили старый тезис Н. Н. Покровского о том, что ценности были оценены в 4, 5 млн золотых руб. и «в основном были потрачены на проведение самой кампании по изъятию»⁶².

В работах, посвященных церковно-государственным отношениям или истории России интересующего нас периода, анализ антицерковных мероприятий большевистского государства стал важной предпосылкой для верных научных обобщений. В числе занимающихся указанной проблематикой ученых нужно отметить историка А. Н. Кашеварова⁶³, который в одной из сравнительно недавно опубликованных монографий обозначил общий вектор периода становления религиозной политики советской власти в 1917–1922 гг. как «вытеснение Церкви из всех сфер жизни общества с перспективой ее полной

⁵⁹ Там же. С. 82.

⁶⁰ Следственное дело Патриарха Тихона... С. 42.

⁶¹ Там же. С. 46.

⁶² Там же. С. 25.

⁶³ См.: *Кашеваров А. Н.* Государство и Церковь: из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви. СПб., 1995; *Он же.* Государственно-церковные отношения в советском обществе 1920–1930-х гг. (новые и малоизученные вопросы). СПб., 1997; *Он же.* Церковь и власть: Русская Православная Церковь в первые годы Советской власти. СПб., 1999; *Он же.* Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922). М., 2005.

ликвидации»⁶⁴. К похожему выводу привело изучение церковно-государственных отношений первых лет советского правления и другого известного историка Б. А. Филиппова, считавшего борьбу большевистских властей с Церковью в 1922 г. продолжением Гражданской войны⁶⁵. Распространенным признаком обобщающих работ по истории России этого периода было недостаточное внимание к финансовым итогам изъятия и реализации церковных ценностей, как к чему-то уже выявленному и доказанному. Так, и в «Очерках» Б. А. Филиппова решение данного вопроса было ограничено ссылками на давние работы Н. А. Кривовой и Н. Н. Покровского с известным, но неверным аргументом: «...на саму акцию изъятия тратили по 1, 5 млн золотых рублей в месяц»⁶⁶.

Вместе с общими работами, затрагивающими вопрос изъятия церковных ценностей в контексте церковно-государственных отношений, с начала 1990-х стали выходить исследования по темам отношения духовенства к голоду 1921–1922 гг.⁶⁷, тайных планов властей по уничтожению Православной Церкви⁶⁸, характера сопротивления изъятию со стороны верующих⁶⁹, связей оппозиционных Патриарху священников с ГПУ⁷⁰, особенностей судебных процессов против духовенства⁷¹, продаж музейных ценностей страны⁷², достоверности и тенденциозности источников по данному историческому периоду⁷³ и другим аспектам, затрагивающим диссертационную проблематику.

Отметим среди них интересное исследование большевистской программы ликвидации Русской Церкви, опубликованное в 1997 г. С. Г. Петровым в сборнике научных трудов «Сибирская провинция и Центр: культурное взаимодействие в XX веке». Через 16 лет эта работа после ряда уточнений и дополнений вошла в качестве I главы в новую книгу историка о Русской

⁶⁴ *Кашеваров А. Н.* Православная Российская Церковь... С. 6.

⁶⁵ *Филиппов Б. А.* Очерки по истории России. XX век. М., 2009. С. 142.

⁶⁶ Там же. С. 166.

⁶⁷ *Федорова Н., Абрамов Л.* Голод 1921–1922 годов и казанское духовенство // Эхо веков. Научно-документальный журнал. 1998. № 3/4. С. 88–94; *Иванова Е. В.* Святейший Патриарх Тихон и голод 1921–1922 гг. в России // Богословские труды. 2007. № 41. С. 504–529; *Урядова А.* Голод 1920-х гг. в России и Русское зарубежье. СПб., 2010.

⁶⁸ *Петров С. Г.* Секретная программа ликвидации Русской Церкви: письма, записки и почто-телеграммы Л. Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б) (1921–1922 гг.) // Сибирская провинция и центр: культурное взаимодействие в XX веке. Сборник научных трудов. Новосибирск, 1997. С. 20–86.

⁶⁹ *Кривова Н. А.* Сопротивление против изъятия церковных ценностей в 1922 г. // Ежегодная Богословская Конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского Института: Материалы 1992–1996 гг. М., 1996. С. 365–372.

⁷⁰ *Фирсов С. Л.* Власть и верующие: из церковной истории начала 1920-х годов // Нестор. 2000. № 1. С. 205–236.

⁷¹ «Дело» митрополита Вениамина (Петроград, 1922 г.). М., 1991; *Дмитриенко Н. М.* "Дело томских церковников" 1922 г. // Социально-политическое развитие Сибири (XIX–XX вв.). Томск, 1993. С. 71–81; *Одинцов М. И.* Дело Патриарха Тихона // Отечественные архивы. 1993. № 6. С. 46–71; *Голубцов С., протодиак.* Первый московский процесс 1922 года по делу «церковников» // Богословский сборник. Вып. 2. М., 1999. С. 75–104.

⁷² *Ильин Н., Семенова Н.* Проданные сокровища России. М., 2000.

⁷³ *Покровский Н. Н.* Документы по истории Церкви (информационные сводки ГПУ 1922 г.) // Исторические записки. 1999. № 2 (120). С. 319–337.

Церкви⁷⁴. Задачи, поставленные автором в области анализа значительного массива документов Л. Д. Троцкого, следует признать актуальными, а вывод о существенном вкладе последнего в разработку антицерковной секретной программы — обоснованным. Реконструированные ученым планы партийного руководства с этого времени стали для историков неотъемлемой частью подлинного контекста разноголосой критики и грозных обвинений по адресу Патриарха Тихона. Вместе с тем изученный массив источников в свете тех же задач являлся неполным, что связано не с предполагаемым автором уничтожением Троцким компрометирующих его документов⁷⁵, а с отсутствием в работе архивных материалов делопроизводства Комиссии по ценностям, хранящихся в делах Реввоенсовета в РГВА.

Весьма важный вклад в освещение темы изъятия церковных ценностей в 1922 г. внесла и другая работа С. Г. Петрова, опубликованная в 2004 г. и содержащая результаты детального анализа материалов делопроизводства Политбюро ЦК РКП (б) первой половины 1920-х гг. в качестве источников по истории Русской Православной Церкви. Проведенное исследование, в частности по отношению к документам, выпущенным Лениным и Троцким для Политбюро в марте 1922 г. позволило автору сделать аргументированный вывод о том, что лозунг помощи голодающим был всего лишь прикрытием секретной кампании по учету и сосредоточению национализированных богатств, в том числе церковных ценностей⁷⁶. При всей значимости данного вывода, без решения проблемы настоящей реализации сосредоточенных ценностей, которая, надо заметить, не входила в круг задач исследования, вопрос использования имущества, изъятых в храмах, не мог считаться окончательно решенным.

Следующее направление научных работ в данной теме касалось проведения госорганами изъятия ценностей на местах. Так, шуйские события освещались в работах В. И. Баделина, Ю. А. Ильина и С. Г. Петрова⁷⁷, изъятие церковных ценностей в Новгородской губернии было рассмотрено в трудах М. Н. Петрова и И. Д. Савиновой⁷⁸, на Смоленщине — М. В. Каилем⁷⁹, в Петрограде

⁷⁴ *Петров С. Г.* Русская Православная Церковь времени Патриарха Тихона (источниковедческое исследование) / отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск, 2013.

⁷⁵ *Петров С. Г.* Секретная программа... С. 22.

⁷⁶ *Петров С. Г.* Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.) / Отв. ред. Н. Н. Покровский. М., 2004. С. 390.

⁷⁷ *Баделин В. И.* Золото Церкви: Исторические очерки и современность. Иваново, 1995; *Ильин Ю. А.* Март 1922 г.: Церковь, власть, общество (светский взгляд на события 13–15 марта в г. Шуе Иваново-Вознесенской губернии) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки»: «Филология. История. Философия». 2008. Вып. 3. С. 47–74; *Петров С. Г.* Изъятие ценностей Русской Церкви в 1922 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2001. № 2. С. 15–19.

⁷⁸ *Петров М. Н.* Судьба русского серебра // Из тайников спецхранов. Сост. М. Н. Петров. Л., 1991; *Он же.* Крест под молотом. Великий Новгород, 2000; *Савинова И. Д.* Лихолетье. Новгородская епархия и советская власть. Историческое исследование. Новгород, 1998.

⁷⁹ *Каиль М. В.* Власть и православные верующие в российской провинции начала 1920-х годов (Голод. Изъятие церковных ценностей. Раскол. Процесс смоленских церковников на Смоленщине). Смоленск, 2008.

— М. В. Шкаровским⁸⁰, в Москве — В. Ф. Козловым, игуменом Дамаскином (Орловским), Н. Д. Егоровым и В. А. Гончаровым⁸¹. В полном объеме такая работа по губерниям еще не проведена⁸² и остается востребованной научным сообществом. Значение указанных работ для нашего диссертационного исследования состояло по большей части в прояснении решений епархиальных архиереев, а также взглядов духовенства и прихожан на изъятие ценностей из храмов. Позиция Святейшего Тихона специальному изучению в этих исследованиях не подвергалась и излагалась по февральским посланиям 1922 г., а направление изъятых ценностей оставалось невыясненным или подавалось в русле распространенных в 1990-е гг. представлений.

Кроме указанных выше направлений исследовательского интереса отечественных историков, значимые для диссертации вопросы рассматривались также в работах, характеризующих деятельность отдельных архиереев и священников Русской Церкви. В их числе труды игумена Дамаскина (Орловского), М. И. Вострышева, Н. М. Коняева, А. В. Журавского, А. К. Галкина, А. А. Бовкало⁸³ и других. Наибольшее количество исследований посвящено историческим обстоятельствам жизненного подвига самого

⁸⁰ См.: *Шкаровский М. В.* История изъятия церковных святынь и ценностей в Петрограде 1918–1922 гг. Новые источники // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Т. XXV. 1994. С. 203–214.

⁸¹ *Козлов В. Ф.* Свидетельствуют документы (об изъятии церковных ценностей) // *Журнал Московской Патриархии.* 1993. № 9. С. 47–52; *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики московские // *Московский журнал.* 1994. № 1. С. 34–40; *Егоров Н. Д.* Ограбленная Москва: Изъятие ценностей из церквей Москвы в 1922 году // *Мир Божий.* 1998. № 1 (3). С. 30–39; 1999. № 1 (4). С. 82–88; Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году. Сборник документов из Фонда Реввоенсовета Республики / Составители: диак. Александр Мазырин, В. А. Гончаров, И. В. Успенский. М., 2006. С. 3–28.

⁸² См.: *Иванова М. А.* Кампания по изъятию церковных ценностей в Псковской губернии в 1922 г. // *Псков.* 2006. № 24. С. 153–161; *Хайрутдинов Р. Р.* «В церквях и монастырях по возможности ничего не оставлять...» (Кампания по изъятию церковных ценностей в Татарстане в 1922 г.) // *Эхо веков.* 2006. № 2 (45). С. 78–87; *Борисова В. В.* Изъятие церковных ценностей из православных храмов Тюменской губернии в 1922 году // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2009. № 28 (166). История. Вып. 34. С. 142–147; *Личак Н. А.* К вопросу об изъятии церковных ценностей в Ярославской губернии в 1922 г. // *В мире научных открытий.* 2010. № 2 (08), Часть 1. С. 74–76; *Никитин И. В.* Изъятие церковных ценностей в Оренбургской губернии в 1922 г. // *Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви.* 2010. Вып. 1 (34). С. 26–40; *Горидовец В., свящ.* Изъятие ценностей у религиозных общин в Витебской губернии в 1922 году // *Вестник церковной истории.* 2012. № 3/4 (27/28). С. 308–344; *Бирюкова Ю.* Донское духовенство и кампания по изъятию церковных ценностей в 1922 году // *Журнал Московской Патриархии.* 2012. № 12. С. 64–71; *Реброва М. И.* Изъятие церковных ценностей на территории современной Донецкой области // *Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви.* 2015. Вып. 6 (67). С. 64–77 и др.

⁸³ *Дамаскин (Орловский), игум.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 1992–2002; *Вострышев М. И.* Митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин // *Журнал Московской Патриархии.* 1993. № 2. С. 37–43; *Коняев Н. М.* Священномученик Вениамин, митрополит Петроградский. М., 2005; *Во имя правды и достоинства Церкви: жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского / Авт.–сост. А. В. Журавский.* М., 2004; *Галкин А. К., Бовкало А. А.* Избранник Божий и народа: жизнеописание священномученика Вениамина, митрополита Петроградского и Гдовского. СПб, 2006.

Святейшего Патриарха Тихона, в том числе имеющим отношение к голоду 1921–1922 гг. и изъятию церковных ценностей⁸⁴.

Среди них обращает на себя внимание неверное истолкование показаний Патриарха Тихона на допросах 1922–1923 гг. писателем А. Н. Нежным. Он, в частности, предположил, что натиск ГПУ и тяжелая ситуация в Церкви привели к усталости святителя, который в состоянии глубочайшего безразличия стал соглашаться с обвинителями «почти во всем»⁸⁵. Этим объяснялось, например, то обстоятельство, что, первоначально уклоняясь от упоминания влиявших на него лиц, позднее святитель Тихон стал называть их, в частности, архиепископа Никандра (Феноменова), предложившего написать послание с протестом против антицерковного декрета. Между тем аргумент Нежного опровергается непреложным фактом: Патриарх «припомнил» о влиянии московского епархиального архиерея спустя пять дней после признательного допроса последнего. Только убедившись в этом на допросе особоуполномоченного ГПУ Я. С. Агранова, Святейший Тихон заявил: «Припоминаю, что архиепископ Никандр после 1-го собрания благочинных, состоявшегося на его квартире после издания указанного декрета, действительно говорил со мною...»⁸⁶.

Отдельный параграф своей монографии «Патриарх Тихон и советская власть (1917–1925 гг.)» отвел отношениям Предстоятеля Русской Церкви и государственной власти в ходе кампании по изъятию церковных ценностей В. В. Лобанов. По мнению ученого, диалог между Церковью и руководством страны не состоялся, поскольку последнее не могло допустить церковного влияния в обществе. Декрет об изъятии ценностей был началом реализации плана по разгрому Церкви и предусматривал изъятие богослужебных предметов, «что не могло быть благословлено Патриархом»⁸⁷. Несомненным достоинством работы Лобанова является взвешенная интерпретация компромиссных заявлений Святейшего Тихона в связи с выходом из заключения в 1923 г. Привлекая большое количество источников, исследователь отверг предположения о слабости или приспособленчестве, как причинах патриаршего решения, которое в действительности оставалось проявлением его прежних взглядов⁸⁸.

Большое внимание обсуждаемой теме уделил другой известный историк — священник Димитрий Сафонов. Из его книги «Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, и его время», изданной в 2013 г., читатели узнали о неизвестных ранее оценках Святейшего Тихона в отношении развернувшейся вокруг ценностей полемики. Патриарх, в частности, считал, что его оппоненты совершенно не поняли смысла его февральских посланий, предполагавших не

⁸⁴ Алексеев В. А. Был ли Патриарх Тихон «вождем церковной контрреволюции»? // Диалог. 1990. № 10. С. 93–104; Вострышев М. И. Избранник Божий: Крестный путь святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России. М., 1990; Иванова Е. В. Святейший Патриарх Тихон и голод... С. 504–529; Нежный А. Допрос Патриарха. М., 1997; Лобанов В. В. Патриарх Тихон и советская власть (1917–1925 гг.). М., 2008; Тихон (Затекин), архим. Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России. 1918–1921 гг. Том 2. Нижний Новгород, 2011; Сафонов Д., священник. Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, и его время. М., 2013 и др.

⁸⁵ Нежный А. Указ. соч. С. 27.

⁸⁶ Следственное дело Патриарха Тихона... С. 184.

⁸⁷ Лобанов В. В. Патриарх Тихон и советская власть... С. 89.

⁸⁸ Лобанов В. В. Указ. соч. С. 125.

только пожертвование более дорогих в плане материальной стоимости предметов, чем евхаристические сосуды, но и готовность идти на уступки в части расширения перечня жертвуемых ценностей. Документы из Центрального архива ФСБ РФ, на которые ссылался исследователь, свидетельствовали, что чекисты знали об ориентации святителя Тихона в своих действиях на будущий церковный собор, а также учете им возможной реакции на Западе⁸⁹.

Хронологически последней объемной работой, актуальной для целей диссертационного исследования, является монография В. Ф. Зимы «Голод 1921–1922 годов в Советской России: власть и церковь», посвященная церковно-государственным отношениям в период борьбы с голодным бедствием. К числу значимых заключений автора следует отнести вывод о том, что продразверстка, превратившаяся в 1920 г. в военную операцию по изъятию продовольствия у крестьян, «оставила деревню без хлеба накануне сильнейшей засухи в Поволжье»⁹⁰. Ученый обратил внимание на наступление большевистской партии на антирелигиозном фронте в августе 1921 г., попытки властей скрыть свои военные заказы в период борьбы с голодом, а также констатировал, что Патриарху Тихону полгода пришлось ждать правительственного разрешения на церковные сборы в пользу голодающих⁹¹. К сожалению, работа В. Ф. Зимы имела и существенные недостатки: его важнейшее заявление о секретном экспорте хлеба в течение всего 1922 г.⁹² опиралось на непроверенные источники и не нашло подтверждения в архивных документах. В вопросе количества и реализации церковного имущества автор остался в пределах прежних неполных данных, предложенных в трудах других историков. Утверждение о том, что церковное серебро «пошло на штамповку небывалого количества серебряных 50-копеечных монет»⁹³, было высказано без какого бы то ни было обоснования и необходимых ссылок.

Для полноты историографического обзора следует указать еще на одну группу научных работ, в той или иной степени касающихся взглядов Патриарха Тихона на изъятие ценностей, различных аспектов указанной кампании и связанных с ними тем голода, раскола, репрессий против верующих и др. Ее составляет немалый комплекс диссертационных исследований⁹⁴, некоторые из

⁸⁹ Сафонов Д., свящ. Святитель Тихон... С. 183.

⁹⁰ Зима В. Ф. Голод 1921–1922 годов в Советской России: Власть и Церковь. М., 2015. С. 51.

⁹¹ Там же. С. 58, 86, 115.

⁹² Там же. С. 45.

⁹³ Там же. С. 206.

⁹⁴ Кристкалн А. М. Голод 1921 года в Поволжье: Опыт современного изучения проблемы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997; Кривова Н. А. Власть и Русская Православная Церковь в 1922–1925 гг. (Политика ЦК РКП(б) по отношению к религии и Церкви и ее осуществление органами ГПУ–ОГПУ): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998; Кашеваров А. Н. Советское государство и Русская Православная Церковь в 1917–1922 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1998; Сафонов Д. В. Патриарх Тихон и советская власть: К проблеме государственно-церковных отношений в 1922–1925 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; Хрусталева М. Ю. Русская Православная Церковь в центре и на периферии в 1918–1930-х годах (на материалах Новгородской епархии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2004; Лобанов В. В. Патриарх Тихон и советская власть: Проблема компромисса (1919–1925 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005; Говорова Н. В. Изъятие церковных ценностей в 1922 г. в контексте государственно-церковных отношений: автореф. дис. ... канд. ист. наук.

которых нашли свое отражение в вышедших после защиты монографиях. Диссертации свидетельствуют как о непрекращающемся интересе, так и о до сих пор остающихся пробелах в изложении исторического материала.

Подводя итоги историографии проблемы, следует констатировать, что позиция Патриарха Тихона в отношении изъятия церковных ценностей в 1922 г. всегда рассматривалась в научных работах как подраздел более общих тем, не имела приоритетного значения, освещалась фрагментарно и использовалась для решения также важных, но других исследовательских задач. В вопросе оценки патриарших решений в связи с изъятием ценностей в церковно-исторической науке нет необходимого консенсуса, из-за чего они продолжают восприниматься неоднозначно. При этом никто из исследователей так и не назвал точной стоимости церковных ценностей — как публичной, так и действительной, равно как и не привел убедительных научных аргументов в пользу какого-либо варианта расходования их основной массы.

Цели и задачи работы. Главной целью исследования является разрешение вопроса о том, насколько обоснованными были решения св. Патриарха Тихона по защите священных предметов в условиях насильственного изъятия властью церковных ценностей с точки зрения церковных канонов. Поскольку дискуссионный характер этого вопроса был порожден советской и обновленческой агитацией, транслировавшей искаженные образы действительности, естественным условием достижения цели диссертации стало восстановление реальной картины церковной помощи, изъятия и реализации ценностей в степени, достаточной для подтверждения канонической обоснованности патриарших взглядов. Речь идет о следующих важнейших задачах научной работы: 1) подробно описать, как планировалась и осуществлялась помощь Церкви во главе с Патриархом Тихоном голодающим в 1921–1922 гг., включая пожертвование церковных ценностей; 2) прояснить позицию св. Тихона по вопросу насильственного изъятия церковных ценностей в 1922 г. и провести анализ аргументации его оппонентов; 3) обосновать, каким образом состоялась реализация церковных драгоценностей и имела ли она отношение к борьбе с голодом.

Методы исследования. Материал исследования располагается в хронологическом порядке с тем, чтобы показать историческую взаимообусловленность и логику развития событий во времени. Применение общенаучного системного подхода потребовало рассмотрения патриаршей позиции в вопросе изъятия ценностей в более широком контексте — церковной помощи голодающим и реализации изъятых властью якобы для этой же цели драгоценностей из храмов. Только с учетом данных тем, анализ позиции св. Патриарха приобретает достаточную для научной работы полноту и позволяет критически отнестись к обвинениям и критике в адрес Первосвятителя со стороны обновленцев и советских пропагандистов. При изложении внешней стороны официальных документов и последовательности событий, значительное

М., 2006; Макаров Ю. Н. Советская государственная религиозная политика и органы ВЧК–ОГПУ–НКВД СССР (октябрь 1917 — конец 1930-х гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2007; Сколота Р. В. Государственно-церковные отношения в 1921–1927 годах в Нижнем Поволжье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2011 и др.

внимание уделяется внутренней подоплеке изучаемых исторических ситуаций: секретным кампаниям, проводимым большевистской властью под предлогом помощи голодающим, а также недоверию властям со стороны верующих, включая святителя Тихона. Исследование канонических основ патриарших решений в отношении изъятия потребовало применения богословского и церковно-исторического анализа проблемы. Описание экономических трудностей страны, а также интерпретация документов по оценке и реализации ценностей обусловили использование в диссертации финансовой терминологии, что придало ей отчасти междисциплинарный характер.

Положения, выносимые на защиту.

1. Патриарх Тихон внес существенный вклад в дело помощи голодающим еще до образования Центральной Комиссии Помгол при ВЦИК и официального разрешения церковной помощи со стороны власти. Он состоял в обращении за помощью к главам христианских Церквей и народам других стран, немедленном учреждении церковных комитетов Помгол и организации повсеместных сборов на голодающих, в том числе церковными ценностями. Несмотря на запрещение созданных церковных комитетов Помгол и насильственное изъятие ценностей из действующих храмов, православная иерархия во главе с Первосвятителем не прекращала призывать паству к посильной помощи голодающим. Упреки к духовенству по этой части со стороны властей — несправедливы и являются реализацией заранее спланированной агитационной кампании в поддержку изъятия, а затем намерений расколоть Церковь в перспективе ее уничтожения.

2. Патриарх Тихон не запрещал отдавать церковные ценности для помощи голодающим. Осуждая насилие над Церковью, не доверяя официальным обещаниям и не имея контроля над реализацией ценностей, Предстоятель Русской Церкви действовал в полном соответствии с церковными канонами, когда отказался благословить передачу властям евхаристических сосудов. Патриаршая позиция расходилась лишь с лозунгами лживой советской пропаганды и следующих в ее русле «критиков», являясь взвешенной и реалистичной. Подобно многим другим иерархам, святитель Тихон осознавал собственную ответственность перед судом Церкви, который ставил выше декретов советской власти.

3. Никаких продаж церковных ценностей за границу с целью закупки хлеба для голодающих, как обещали большевистские агитаторы и писали советские историки, не было. Перечисление Наркомфином денежных средств в счет изъятых церковных ценностей ЦК Помгол и преемственных ей организаций не только было растянuto во времени до начала 1926 г., но и осуществлялось из имеющихся государственных средств, а не в результате выгодной реализации на рынке отнятого у Церкви имущества. Предполагаемая от поступлений церковных ценностей помощь голодающим обернулась тривиальной нагрузкой на печатный станок, что в свете декларированных целей лишало смысла проведенную с такой жестокостью кампанию по изъятию. Ни продажи церковного антиквариата за границу, ни передача ценных предметов в музеи, ни переплавка драгоценных металлов в слитки с последующей чеканкой монет для поддержки денежной реформы, к решению проблемы голода и его последствий в 1922–1923 гг. не имели ни малейшего отношения.

Научная новизна. Новой в диссертации является сама постановка проблемы обоснованности взглядов Патриарха Тихона на изъятие церковных ценностей в качестве главной цели работы, а также предложенный подход к ее решению. Из помещения данного вопроса в центр специального изучения следовала необходимость, во-первых, рассмотреть научные результаты из пересекающихся областей в едином ракурсе самостоятельной темы, во-вторых, предпринять его основательное и детальное изучение, что до сих пор не было осуществлено историками по причине второстепенного значения данной проблемы в их работах. В связи с этим анализ позиции Патриарха в настоящей работе не ограничился лишь февральскими посланиями 1922 г., но был осуществлен с учетом его письма председателю ВЦИК, собственных разъяснений в прессе и на допросах, а также личной переписки с духовенством. Правильное восприятие канонических аспектов патриаршей точки зрения предполагало обоснованную реконструкцию исторического контекста кампании по изъятию церковных ценностей, в направлении которой были достигнуты требующие внимания результаты. К их числу относится вывод о том, что предположение Патриарха Тихона о возможном расходе церковных ценностей на армию подтвердилось в том смысле, что оно действительно соответствовало одному из направлений запланированной властями реализации ценностей. Также в диссертации впервые сделан аргументированный вывод о том, что надежды Троцкого как руководителя Комиссии по учету и сосредоточению ценностей на укрепление армии в 1922 г. за счет 5% от стоимости всех учтенных ценностей республики — не оправдались.

Обнаружение и изучение новых архивных данных об уже известных историкам госкампаниях по борьбе с голодом и сосредоточению ценностей страны в столице позволило сделать заключение о том, что государственная казна в данный период не была пустой настолько, чтобы можно было прекратить финансирование Помгола из золотого фонда и приступить к ограблению храмов. У власти были другие, более важные приоритеты, и накануне постановления ВЦИК об изъятии церковных ценностей от 16 февраля 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) решило забронировать драгоценные металлы на сумму 150 млн золотых руб. для обеспечения стабильности запланированной к выпуску новой советской валюты с перспективой ее чеканки в связи предстоящей денежной реформой.

В диссертации приводятся более полные, чем были известны до сих пор, сведения о результатах добровольных церковных сборов на голодающих, а также точном количестве и стоимости церковных ценностей, проданных Наркомфину ЦК Помгол и преемственными ей организациями — этих данных нет ни в одной из работ, имеющих отношение к теме изъятия ценностей. Здесь же впервые высказано и документально обосновано утверждение о занижении расценок со стороны НКФ при покупке церковного имущества, демонстрирующем процесс наживы НКФина на Помголе. Читатели диссертации откроют для себя неизвестную историю отчаянной и бесполезной борьбы помгольцев с НКФинком за золотые кредиты для покупки хлеба за границей.

Научно доказанным фактом с этого момента является и финансовая поддержка госорганами лояльных власти священнослужителей, выступавших за добровольную сдачу богослужебных сосудов комиссиям Помгол, что ранее лишь предполагалось в церковно-исторических исследованиях. За «работу по

изъятию церковных ценностей» в мае 1922 г. получили денежное вознаграждение основные оппоненты Патриарха Тихона по этой проблеме — епископ Антонин (Грановский), священники Введенский, Белков, Красницкий, а еще ранее, в апреле — их единомышленники, протоиереи Русанов и Ледовский. При этом майские даты получения денежных средств совпали с периодом встреч указанных лиц с Патриархом Тихоном на Троицком подворье, то есть началом организованной властями «революции» в Русской Церкви.

Наряду с малоизученными протоколами заседаний Президиума и Пленумов ЦК Помгол, в научный оборот вводятся неизвестные до сих пор документы: комплекс всех соглашений НКФина о покупке церковных ценностей, отчеты Гохрана и Монетного двора, протоколы всех заседаний и ведомственная переписка Комиссии СНК по учету и сосредоточению ценностей, а также протоколы преемственной ей Комиссии «по ценностям», которая в действительности занималась организацией церковного раскола — о существовании последней научному сообществу ничего не было известно. Подлинной находкой стало письмо Патриарха Тихона в ГПУ от 31 марта 1922 г., где он еще раз бескомпромиссно объяснял чекистам церковную точку зрения на евхаристические предметы, которые по канонам не могли иметь не священного употребления. О том, что такой документ существовал, историки знали со слов упоминавшего о нем святителя Тихона, но обнаружить его не удавалось.

Наконец, увидели свет финансовые документы, которые позволили обоснованно судить о процентном соотношении в стоимости церковного имущества разных категорий ценностей, а также о расходе церковного серебра, составлявшего основную массу ценностей, на чеканку монет в период проведения денежной реформы. Главное достижение диссертации заключается в том, что вывод о правоте Патриарха в вопросе канонической защиты православных святынь получил в ней завершающее документальное подтверждение.

Обзор источников. Результаты, полученные в ходе проделанной работы, не могли состояться без анализа исторических источников, которые классифицированы здесь по критериям родо-видовой иерархии документов и их известности научному сообществу. Речь идет, прежде всего, о четырех основных группах документов:

- 1) соборные постановления Церкви и законодательные акты советского государства, включая решения Политбюро ЦК РКП(б);
- 2) циркуляры государственных наркоматов, делопроизводство их структурных подразделений и различных ведомственных комиссий, а также материалы документооборота церковных и обновленческих учреждений;
- 3) публицистика, представленная в советской и обновленческой литературе, а также в периодической печати;
- 4) документы личного происхождения (мемуары, дневники, письма, рассказы и воспоминания).

Первая группа источников в силу своего высшего и официального правового статуса принадлежит за редкими исключениями к публичным документам и давно используется в исторических исследованиях. К числу церковных источников этого уровня, имеющих отношение к диссертационной теме, относятся Правила Святых Апостолов, Правила Поместного

Константинопольского Собора (Двукратного) 861 г., а также постановления Поместного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. Апостольские и соборные постановления изучались автором в русском переводе «Книги правил», в частности, репринтного воспроизведения ее первого издания с комментариями епископа Далматинско-Истрийского Никодима (Милаша) в 1911–1912 гг.⁹⁵ Особое внимание среди постановлений Поместного Собора Русской Церкви было уделено определению «Об охране церковных святынь от кощунственного захвата и поругании»⁹⁶, принятому в качестве ответной меры на декрет «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» от 23 января 1918 г. и инструкцию Наркомюста от 24 августа 1918 г. Упомянутый антицерковный декрет вышел первым в числе правительственных постановлений, касающихся церковного имущества. Следом за ним были изданы постановления ВЦИК «О ценностях, находящихся в церквях и монастырях» от 27 декабря 1921 г.⁹⁷ и «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» от 23 февраля 1922 г.⁹⁸, а также постановление Совнаркома «О порядке реализации церковных имуществ обиходного характера» от 19 сентября 1923 г.⁹⁹ Данными законодательными решениями все имущество Церкви было от нее отчуждено, разделено на категории, изъято для передачи в государственные учреждения и тем или иным способом реализовано в течение нескольких лет. Тексты декретов публиковались неоднократно и хорошо известны историкам. Автором диссертации они использовались как по текущим публикациям в официальном органе ВЦИК — газете «Известия ВЦИК», так и по первым послереволюционным выпускам сборников, издаваемых Наркоматом юстиции под названием «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства», а также их переизданиям в последующие годы. В отношении тематических постановлений Политбюро ЦК РКП(б), которое исполняло функции реального правительства страны, следует отметить, что наиболее надежной с точки зрения правил эдиционной археографии является их публикация Н. Н. Покровским и С. Г. Петровым в ранее упомянутом двухтомнике «Архивы Кремля: Политбюро и церковь 1922–1925 гг.».

Вторая группа использованных в работе источников представляет собой наиболее ценный для решения заявленных автором задач материал. В числе актуальных изданий следует назвать сборник документов о крестьянском движении в Поволжье в 1919–1922 гг. из 4-х центральных (ГА РФ, РГВА, РГАСПИ и ЦА ФСБ) и 14 региональных архивов, опубликованный под редакцией В. Данилова и Т. Шанина в 2002 г. в рамках научно-

⁹⁵ Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. В 2-х томах. Том I. М., 1996.

⁹⁶ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 6. М., 1996.

⁹⁷ О ценностях, находящихся в церквях и монастырях // Собрание Узаконений и Распоряжений Правительства за 1922 г. № 19. Отдел первый. Ст. 215. М., 1950. С. 381.

⁹⁸ О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих // Там же. С. 381.

⁹⁹ О порядке реализации церковных имуществ обиходного характера // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. № 79. Отдел первый (№ 65–91). Ст. 762. 1923. 20 ноября. С. 1388.

исследовательского проекта «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.»¹⁰⁰. Материалы сборника вносят существенные коррективы в распространенные представления об основной причине голода в Поволжье в 1921–1922 гг. Развернувшаяся в этом регионе крестьянская война была проявлением недовольства населения политикой военного коммунизма и методов продовольственной разверстки, когда хлеб забирался полностью без учета потребностей крестьян. Восстания вспыхивали на почве голода именно там, где больше всего забирался хлеб, и были борьбой за физическое выживание.

«Церковная» сторона деятельности Всероссийского комитета помощи голодающим, равно как и работа самого Церковного комитета под общим руководством святителя Тихона содержательно представлена в документах, опубликованных М. И. Одинцовым, О. Н. Ефремовой, Е. В. Ивановой и другими¹⁰¹. Особый интерес представляет документированное исследование Е. В. Ивановой на тему, практически совпадающую с темой I главы нашей диссертационной работы.

Неожиданно большим собранием рассекреченных документов по изъятию ценностей, еще не введенных в научный оборот, оказались архивные дела 339, 438, 464 из 2-й описи фонда 33988 (секретариат первого заместителя председателя Реввоенсовета Республики) и дело 487 из 1-й описи фонда 33987 (секретариат председателя РВРС), хранящихся в Российском государственном военном архиве. Наибольшую ценность в материалах этих дел представляли собой неизвестные протоколы заседаний возглавляемых Л. Д. Троцким комиссий, связанных с сосредоточением ценностей страны в Москве и расколом Русской Православной Церкви. До сих пор историкам было известны лишь несколько разрозненных протоколов, относящихся к этим направлениям. Ученые осознавали сложность вопроса об антирелигиозных комиссиях 1921–1922 гг.¹⁰², что, однако, не гарантировало верности гипотетических суждений на этот счет. Так, С. Г. Петров относил протокол заседания Комиссии по ценностям № 18 от 17 октября 1922 г. к числу протоколов заседаний Центральной Комиссии по изъятию церковных ценностей¹⁰³. В этом справедливо сомневался В. В. Лобанов, считая в то же время, что данный документ относится, вероятно, к протоколам Комиссии по учету и сосредоточению ценностей¹⁰⁴. При этом исследователь не попытался объяснить «факт» существования данной комиссии в октябре 1922 г. в контексте ее ликвидации по постановлению Политбюро от 26 мая 1922 г.

¹⁰⁰ Крестьянское движение в Поволжье 1919–1922 гг.: Документы и материалы / Серия: Крестьянская революция в России 1902–1922 гг.: Документы и материалы / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М., 2002.

¹⁰¹ См.: «...Мы должны быть искренними по отношению к Советской власти» / Публ. М. И. Одинцова // Вопросы научного атеизма. 1989. Вып. 39. С. 292–331; «Может быть мы не были бы свидетелями ужасов голода...» / Публ., вступ. статья и коммент. О. Н. Ефремовой // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. № 2 (19). С. 179–193; *Иванова Е. В.* Святейший Патриарх Тихон и голод... С. 504–529.

¹⁰² Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. Кн. 1. С. 547.

¹⁰³ *Петров С. Г.* Документы делопроизводства... С. 253.

¹⁰⁴ Протоколы Комиссии по проведению отделения Церкви от государства при ЦК РКП(б) — ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. / Сост. В. В. Лобанов. М., 2014. С. 7.

Решение вопроса заключалось в особенностях делопроизводства так называемой «Комиссии Троцкого». Выявленные в деле 339 протоколы указанной комиссии показали, что под единой нумерацией протоколов с № 1 от 16 ноября 1921 г. по № 18 от 17 октября 1922 г. отражались заседания четырех различных комиссий, имевших разные названия, задачи и состав участников — Комиссии по драгоценностям, Комиссии по учету и сосредоточению ценностей, Комиссии по реализации ценностей и Комиссии по ценностям (в действительности — по организации раскола Русской Церкви). Данные комиссии относились к высшему уровню управления в решении проблем, ради которого они и создавались органами ЦК РКП(б). Ко второму уровню принадлежало несколько зависимых от них подкомиссий, которые в течение 1922 г. проходили трансформацию и заменялись новыми в зависимости от этапов антицерковной политики большевиков.

Материалы дела 438 содержат отдельные сводки информационного отдела ГПУ по изъятию церковных ценностей в Москве и российских губерниях¹⁰⁵, переписку между наркоматами о реализации ценностей и другие документы. Они восполняют необходимый нам контекст изъятия и реализации ценностей страны, проливая свет на позиции отдельных епископов, разногласия среди наркомов, препятствия к заключению крупных сделок по продаже драгоценностей¹⁰⁶ и прочие вопросы. Добавим также, что целый массив сводок Московской губкомиссии по изъятию церковных ценностей и Центрального оперативного штаба при начальнике Московского гарнизона из указанного дела был опубликован в сборнике документов «Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г.»¹⁰⁷.

Большее значение для диссертационного исследования имели документы из архивного дела 464. Наиболее ценным среди них оказалось упомянутое выше письмо Святейшего Тихона в Госполитуправление от 31 марта 1922 г. в заверенной секретарем Секретного отдела ГПУ машинописной копии¹⁰⁸. В отличие от массивов архивных материалов, относящихся к политическому и экономическому контексту изъятия ценностей, данный документ непосредственно и более детально, уже с учетом публичной критики, разъясняет патриарший взгляд на антицерковную кампанию. Существенной характеристикой документа является его направление из секретариата ГПУ Л. Д. Троцкому вместе с сопроводительным письмом от 2 апреля 1922 г., то есть в те дни, когда власть дала старт кампании по расколу Русской Церкви.

Важный для диссертационной работы вопрос о степени поддержки патриаршей позиции со стороны церковного общества предопределил необходимость изучения широкого круга материалов по изъятию ценностей: информационных сводок и отчетов ГПУ, докладов местных губкомиссий, архиерейских воззваний к духовенству и приходам епархий, постановлений

¹⁰⁵ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 438. Л. 85–89.

¹⁰⁶ Там же. Л. 89, 246, 286.

¹⁰⁷ Изъятие церковных ценностей в Москве во 1922 году. Сборник документов из Фонда Реввоенсовета Республики / Составители: диак. Александр Мазырин, В. А. Гончаров, И. В. Успенский. М., 2006.

¹⁰⁸ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 464. Л. 158–159.

церковных советов и писем верующих в органы государственной власти, протоколов допросов священнослужителей в судебных процессах и других. Такого рода материалы кроме упомянутых выше «Архивов Кремля» в разных объемах уже были обнародованы как в сборниках документов, так и отдельных публикациях: Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. М., 1995; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. в 4-х т. / т. 1. 1918–1922 г. М., 1988; Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне / Публ., вступ. статья и коммент. Н. А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19).

Необходимым для нашего исследования собранием документов стали свидетельские показания Патриарха на процессе «московских церковников» в Трибунале 5 мая 1922 г., «Обвинительное заключение по делу граждан: Беллавина Василия Ивановича, Феноменова Никандра Григорьевича, Стадницкого Арсения Георгиевича и Гурьева Петра Викторовича по 62 и 119 ст. ст. Уголовного Кодекса» с замечаниями Святейшего Тихона на полях заключения, патриаршие послания от 28 февраля 1922 г., 28 июня 1923 г., 1 июля 1923 г., 15 июля 1923 г., а также заявление в Верховный Суд РСФСР от 16 июня 1923 г., опубликованные в 1994 г. издательством ПСТБИ в «Актах Святейшего Тихона, Патриарха Московской и всея России». Составленный и прокомментированный М. Е. Губониным свод ценных в историческом отношении материалов позволяет детально охарактеризовать позицию Предстоятеля Русской Церкви в вопросе защиты православных святынь от насильственного изъятия, включая выдвинутые им канонические аргументы в поддержку церковной точки зрения.

Отдельного упоминания заслуживают тематически значимые материалы из Центрального архива ФСБ РФ, опубликованные в сборнике документов «Следственное дело Патриарха Тихона» коллективом исследователей из ПСТБИ в 2000 г. На его страницах, в частности, были представлены внутриведомственная переписка высокопоставленных сотрудников ГПУ о положении Патриарха после отмены домашнего ареста в сентябре 1921 г., его воззвание к народу Соединенных Штатов Северной Америки на имя епископа Нью-Йоркского о помощи голодающим в России, образец протеста против изъятия церковных ценностей, составленный архиепископом Никандром (Феноменовым) для населения Москвы, ультимативные требования ГПУ к святителю Тихону в конце марта 1922 г. в связи с народными волнениями из-за изъятия ценностей и другие документы. Основным интерес в свете диссертационной темы представляют опубликованные в сборнике протоколы допросов Предстоятеля Русской Церкви во время его пребывания в заключении, а также протоколы допросов проходящих по общему с ним делу архиереев — митрополита Арсения (Стадницкого) и архиепископа Никандра (Феноменова). Детальный анализ материалов допроса Патриарха Тихона, собственно, и позволил убедиться в том, что следователи не смогли изменить его

принципиальной оценки государственной кампании по изъятию церковных ценностей как святотатства¹⁰⁹.

Еще один комплекс документов рассматриваемой группы составила публичная (периодическая и итоговая) отчетность ЦК Помгол, ЦК Последгол и Особой секции по восстановлению сельского хозяйства и предупреждению голода КССХ ВЦИК¹¹⁰. Она позволила прояснить демонстративную и законченную картину борьбы с голодом и реализации изъятых церковных ценностей, предъявленную властями советскому обществу. Эта работа давно ждала своего часа и, к сожалению, не была проведена историками ни советского, ни постсоветского периода вплоть до настоящего времени из-за невнимания к отчетным данным ОС КССХ. Официальные данные нуждались в проверке и требовали обращения к архивным делам указанных организаций, находящимся в ГА РФ: Р–1064 (ЦК Помгол), Р–1065 (ЦК Последгол) и Р–1066 (Комитет содействия сельскому хозяйству). Их изучение выявило целый ряд неафишируемых аспектов реализации церковных ценностей. Так, в делах ЦК Последгол удалось обнаружить черновики и заверенные копии документов, связанных с неудачной попыткой ЦКПГ получить золотые кредиты для закупки хлеба за границей в счет изъятых церковного имущества¹¹¹. Их подлинники, как и следовало ожидать, были обнаружены по месту предназначения — в материалах Финансового комитета Совнаркома, хранящихся в том же ГА РФ¹¹². Эта история, совершенно неизвестная научному сообществу, проясняет настоящие приоритеты советской власти в голодном 1922 г.

Отказавшись от обещанного народу использования церковных драгметаллов в импорте продовольствия, государство решило в лице НКФина само «выкупить» у ЦКПГ и преемственных ей организаций церковное имущество. Как протекал этот процесс, отразили не только протоколы заседаний руководящих органов и межведомственных совещаний ЦК Помгол, ЦК Последгол и Особой секции КССХ, но и, собственно, 11 соглашений о продаже церковных ценностей Наркомфину, заключенных в течение 1922–1925 гг. Для выявления всех указанных соглашений хотя бы в заверенных копиях фондов ГА РФ оказалось недостаточно. Решить задачу помогли дела Наркомата финансов из фонда 7733 Российского государственного архива экономики. Подробный анализ всего комплекса соглашений с НКФино, включая акты передачи ценностей и ведомости их остатков в Гохране, позволил уточнить общий вес изъятых церковного имущества, а также стоимостные пропорции его отдельных категорий, чего не было сделано в исследованиях по теме изъятия ценностей до сих пор. Проститься с большевистским мифом о «золоте Церкви» и ее «несметных сокровищах» стало возможным на документальной основе.

¹⁰⁹ Следственное дело Патриарха Тихона... С. 190.

¹¹⁰ Бюллетень Центральной Комиссии помощи голодающим ВЦИК. Февраль–апрель 1922 г. № 5–6–7. М., 1922; Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг. Сборник статей и отчетов. М., 1922; После голода. 1923. № 1–3; Итоги Последгол (с 15/X–1922 г. — 1/VIII–1923 г.). М., 1923; Два года работы Особой секции Комитета содействия сельскому хозяйству при ВЦИК (1/X–1923 — 17/X–1925 г.). М., 1925.

¹¹¹ ГА РФ. Ф. Р–1065. Оп. 4. Д. 137. Л. 1–5.

¹¹² ГА РФ. Ф. Р– 8432. Оп. 2. Д. 3. Л. 27, 28, 30–37, 161.

Не меньшее значение имел и вывод об имитационном характере такого рода «реализации ценностей», особенно красноречиво выглядевшем на фоне возражений святителю Тихону в Московском Ревтрибунале. Канонические аргументы Патриарха о святотатстве властей обвинители «опровергали» утверждением, что власть не может красть собственное имущество, теперь же, как продемонстрировали отчеты НКФина и Помгола, эта же власть, особо не смущаясь, осуществила покупку собственного имущества. Другим следствием проведенного анализа явилось обнаружение двойных стандартов НКФ в оценке церковных ценностей при их покупке у ЦКПГ, ЦК Последгол и ОС КССХ. Сравнение договорных цен и применяемых во внутренней отчетности НКФ расценок на ценности выявило занижение первых по отношению к вторым в 2,5 раза. Двойные расценки НКФина были выявлены из нескольких источников: рассекреченного Отчета Производственно-коммерческого отдела Валютного управления НКФ за 1922 г.¹¹³, подлинников актов ревизии Гохрана в 1923 г. из фонда Наркомата Рабоче-Крестьянской Инспекции¹¹⁴ и отчетности сменившего Гохран Металлическо-Алмазного фонда (Металфонда)¹¹⁵.

Хотя новые данные вели к информативным заключениям, их все же было недостаточно для решения вопроса о настоящей реализации отобранного у Церкви имущества. Прояснить картину реального движения ценностей в Гохран, и, что особенно важно, из Гохрана, удалось в результате изучения архивных дел, связанных с деятельностью самого Государственного хранилища, Металлическо-Алмазного фонда, а также Монетного двора и Московского ювелирного товарищества. Документы фонда Гохрана 7632 из РГАЭ позволили реконструировать помесечное движение всех ценностей хранилища по грубой и детальной сортировке, в том числе ценностей ЦК Помгол, в весовом и денежном выражении. С учетом данных по Металфонду стало возможным в деталях представить картину поступления и расходования ценностей страны с января 1922 г. по сентябрь 1923 г., то есть до конца официальных мероприятий по ликвидации последствий голода.

С 10 октября 1923 г. Металфонд вновь был переименован в Гохран и стал операционным органом нового Отдела валютного фонда (ОВФ) Валютного управления НКФ, в котором осуществлялся учет золотого и валютного фонда государства. Справочные сведения ОВФ о количестве и местонахождении металла для чеканки серебряной монеты, годовые программы чеканки и отчеты Ленинградского монетного двора о поступлении металла в мастерские Монетных переделов, содержащиеся в делах фонда Наркомфина 7733 из РГАЭ¹¹⁶, подтвердили предположение о расходе основной массы церковного серебра на производство монет в связи с реформой денежного обращения. Материалы о подготовке и проведении данной реформы были взяты из архивных дел фондов Совета министров СССР (Р-5445) и НК РКИ СССР (Р-374) в ГА РФ, фонда НКФина (7733) в РГАЭ, а также из сборника документов «Денежная

¹¹³ См.: Отчет Производственно-коммерческого отдела Валютного управления за 1922 год (май-декабрь). Народный комиссариат финансов. [М., 1923]. С. 77, 81–82.

¹¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-4085. Оп. 28. Д. 88. Л. 133–135.

¹¹⁵ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6765. Л. 44–45 об; Там же. Д. 8414. Л. 234.

¹¹⁶ См.: РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6761, 6870, 6871; Там же. Оп. 2. Д. 209, 210, 234, 937.

реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы», выпущенного издательством «РОССПЭН» в 2008 г.¹¹⁷.

Другое направление расходования изъятых в 1922 г. ценностей имело отношение к деятельности Отдела по реализации ценностей Валютного управления НКФ, сменившей его в конце 1922 г. Комиссии по реализации ценностей и связанному с ней Московскому ювелирному товариществу. Основные показатели работы данных подразделений Наркомфина пришлось реконструировать по докладным запискам председателя Правления Отдела Я. М. Юровского из фонда 17 (ЦК КПСС) РГАСПИ¹¹⁸, проектам реализации, расходным сметам и справкам Валютного управления НКФ из фонда Р–130 (Совет народных комиссаров) ГА РФ¹¹⁹, отчетным данным обследования деятельности Комиссии по реализации ценностей при ОВФ Финансовой инспекцией НК РКИ в апреле 1923 г. из фонда Р–4085 (Наркомат Рабоче-Крестьянской Инспекции СССР) ГА РФ¹²⁰, протоколам заседаний указанной комиссии за 1925/1926 г.¹²¹, ведомственной переписки Отдела Валютного фонда о ценностях с МЮТ и Отделом музеев Главнауки Наркомата просвещения из фонда 7733 РГАЭ¹²², а также материалам переписки с клиентами и проверки деятельности МЮТ со стороны НК РКИ из фонда 1204 (Московское ювелирное товарищество) Центрального государственного архива г. Москвы.

К третьей группе источниковой базы диссертации относится разного рода публицистика, важной частью которой являются агитационные брошюры ангажированных участников событий — раскольников, советских чиновников и писателей, определенные властями в качестве свидетельств о «контрреволюционной» роли Церкви в борьбе с голодом и, в частности, позиции Святейшего Патриарха Тихона. В числе указанных источников, ставших неотъемлемым подспорьем для трудов последующих поколений историков СССР — писания А. И. Введенского, И. П. Брихничева, П. А. Красикова¹²³ и подобных им деятелей. Изучение такого рода материалов было крайне необходимым не только для разоблачения исторической неправды и понимания формировавшихся в ту пору советских технологий «промывки мозгов», включая представленные в них «аргументы» против церковной точки зрения на изъятие ценностей. Они имеют значение и для реконструкции той тяжелой, почти истеричной общественной атмосферы, в которой совершали свой подвиг в защите святынь русские архиереи, приходское духовенство и миряне.

В данную группу источников входят еще публикации в средствах массовой информации 1920-х годов, в которых освещалась проблематика борьбы с голодом, изъятия и реализации церковных ценностей. Из числа зарубежных

¹¹⁷ См.: Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы / сост. Л. Н. Доброхотов; В. Н. Колодежный, В. С. Пушкарев. М., 2008.

¹¹⁸ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 619. Л. 23–27.

¹¹⁹ См.: ГА РФ. Ф. Р–130. Оп. 29. Д. 121. Л. 1–7; Там же. Д. 206. Л. 5, 9, 14.

¹²⁰ См.: ГА РФ. Ф. Р–4085. Оп. 28. Д. 252. Л. 238–239 об.

¹²¹ См.: РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 302. Л. 1–67 об.

¹²² См.: РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 359. Л. 23, 43–44.

¹²³ *Введенский А., прот.* Церковь патриарха Тихона. М., 1923; *Он же.* За что лишили сана бывшего патриарха Тихона. М., 1923; *Брихничев И.* Патриарх Тихон и его церковь. М., 1923; *Красиков П. А.* На церковном фронте (1918–1923). М., 1923.

изданий важное значение имела газета «Нью-Йорк Таймс» за 1921 г.¹²⁴, на страницах которой в июле 1921 г. сообщалось о воззваниях Патриарха Тихона и советского писателя Максима Горького, эмигрантская, в том числе церковная пресса, комментировавшая доносившиеся из России новости (берлинская газета «Голос России», газета «Новое время» и журнал «Церковные ведомости», издаваемые в Белграде и др.), а также газета «Накануне» (Берлин), финансируемая из Москвы и отражавшая интересы советского государства. Отечественная периодика этих лет интересна в 2-х отношениях. Во-первых, она содержит характерный комплекс публикаций пропагандистского свойства, размещенных в центральных и региональных изданиях («Известия ВЦИК», «Правда», «Красная газета», «Наука и религия», «Беднота» и др.) с целью реализации партийных установок на максимальное изъятие ценностей и раскол Русской Церкви. Во-вторых, на страницах профильных изданий, таких как «Вестник финансов», «Экономическое возрождение», «Внешняя торговля», «Среди коллекционеров», «Бюллетень Центральной Комиссии помощи голодающим ВЦИК» и др., публиковалась важная аналитическая информация о текущих событиях многоплановой жизни страны, необходимая для выявления более полной картины реализации ценностей на «помощь голодающим».

Последняя, четвертая группа источников включает в себя документы частного — публичного или закрытого характера. Внимание к ней продиктовано стремлением, с одной стороны, учесть настоящие намерения и взгляды главных участников рассматриваемой истории, с другой стороны, выявить альтернативные официальной точке зрения ее описания, а также скрытые от общества факты и подробности. Важные для работы церковные взгляды на изъятие ценностей мы встречаем в переписке Патриарха Тихона и митрополита Евлогия (Георгиевского)¹²⁵, письмах будущего патриарха, а тогда епископа Алексия (Симанского) митрополиту Арсению (Стадницкому)¹²⁶, дневниковых записях митрополита Григория (Чукова)¹²⁷, письмах архимандрита Неофита (Осипова) архиепископу Серафиму (Самойловичу)¹²⁸, а также уникальной аналитической записке неизвестного церковного деятеля, обнаруженной в архиве руководителя Американской администрации помощи Г. Гувера из Стэнфордского университета в Калифорнии¹²⁹. Указанные документы

¹²⁴ Patriarch Tikhon asks the English Archbishops to send food and medicine // The New York Times. July 19, 1921.

¹²⁵ См.: Переписка Святителя Тихона Патриарха Всероссийского и митрополита Евлогия (Георгиевского) 1921–1922 гг. / Предисл, публ. Н. Ю. Лазаревой // Ученые записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. 2000. Вып. 6. С. 111.

¹²⁶ *Одинцов М. И.* «Видно не испили мы до дна всю чашу положенных нам испытаний». Письма епископа Ямбургского Алексия (Симанского) митрополиту Новгородскому Арсению (Стадницкому) 1921–1922 гг. // Исторический архив. 2000. № 1. С. 74.

¹²⁷ *Григорий (Чуков), митр.* Петроградский процесс 1922 года // Наш современник. 1994. № 4. С. 171.

¹²⁸ «В душе — истина и в душе — единение с ревнителями». Письма преподобномученика архимандрита Неофита (Осипова) священномученику архиепископу Серафиму (Самойловичу) 1927–1928 гг. (вступ. статья, публ. и примеч. О. И. Хайловой) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. № 6 (67). С. 138.

¹²⁹ Патриарх Тихон в 1920–1923 годах: Аналитическая записка из Гуверовского архива / Публ. Е. В. Ивановой // Журнал Московской Патриархии. 2007. № 11. С. 60–96.

дополняются сведениями из воспоминаний К. Криптона¹³⁰, дневников Н. П. Окунева¹³¹, Н. В. Савича¹³² и других источников такого рода. В отношении проблемы настоящей реализации церковных ценностей требуемых свидетельств почти нет — все, что могло пригодиться историкам в освещении данного вопроса исчерпывается письмом в редакцию «Вестника РСХД» эмигрировавшего в Аргентину Е. И. Белова¹³³ и записками также уехавшего из России бывшего заместителя начальника Валютного управления Наркомфина М. Я. Лазерсона¹³⁴. С этим отчасти и связана существующая в науке, несмотря на многочисленные предположения, значительная неясность в столь важном вопросе.

Практическая ценность и области применения результатов. Ценность результатов диссертационного исследования заключается в том, что они восполняют и завершают аргументацию ряда ученых в темах церковной помощи голодающим и действительного расхода изъятых у Церкви ценностей. В свете новых данных каноническая основа позиции святителя Тихона предстает незыблемой и адекватной реальной ситуации. Значение патриаршего образа действий в той невероятно сложной ситуации красноречиво: в мирной защите церковных святынь в условиях лживых заявлений правительства он проявил данную ему от Бога духовную мудрость предпочесть суд Церкви суду человеческому и мужество следовать церковным канонам, а не декретам богоборческой власти. Эта позиция имеет непреходящее богословское значение верности Истине и служит подлинным ориентиром для церковного сознания как для наших современников, так и в более отдаленной, даже эсхатологической перспективе существования Церкви. Выводы диссертации, ее приложения, а также обнаруженные в архивах новые источники могут быть использованы для целей других научных работ, учебных пособий и лекционных курсов по истории церковно-государственных отношений, в изучении подвига российских исповедников и новомучеников, а также других актуальных исторических тем.

Апробация работы. Кандидатская диссертация многократно обсуждалась на заседаниях кафедры истории Русской Православной Церкви Богословского факультета ПСТГУ. Основные тезисы и результаты исследования излагались автором на ежегодных богословских конференциях ПСТГУ, а также в научных публикациях на страницах журнала «Вестник ПСТГУ».

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, содержащих девять параграфов, заключения, приложения, списка источников и литературы. Структура обусловлена задачами исследования, в соответствии с которыми в каждой главе рассматривается отношение святителя Тихона к церковным ценностям: в первой главе — вынужденное исключение священных сосудов из добровольного пожертвования ценностей, во второй — реакция на насильственное изъятие ценностей госорганами, в третьей — представления о

¹³⁰ Криптон К. Защита канонов Православия. 1922–1925. По личным наблюдениям, документам и литературным данным // Вестник Русского Христианского Движения. 1979. № 128. С. 218–243.

¹³¹ Окунев Н. П. Дневник москвича, 1917–1924. В 2-х кн. Кн. 2. М., 1997. С. 158, 205.

¹³² Савич Н. В. После исхода: Парижский дневник. 1921–1923 М., 2008. С. 136.

¹³³ Белов Е. И. Судьба церковных ценностей, изъятых советской властью в 1922 году // Вестник Российского студенческого христианского движения. 1972. № 104. С. 327–337.

¹³⁴ Ларсонс М. Я. На советской службе. Записки спеца. Париж, 1930.

предполагаемом недолжном их употреблении. Эти три стороны патриаршего отношения раскрываются в историческом контексте церковной помощи голодающим, затем государственной кампании по изъятию церковных ценностей под лозунгом борьбы с голодом и, наконец, подлинной реализации этих ценностей на совсем другие цели.

Основное содержание диссертации

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, рассматривается ее историография и степень разработанности, формулируются цели и задачи работы, а также положения, выносимые на защиту. Здесь же указываются научная новизна диссертации, использованные в ней методы исследования и ее практическая значимость. Кроме того, излагается обзор исторических источников и обосновывается структура работы.

Первая глава «Св. Патриарх Тихон и организация церковной помощи голодающим в 1921–1922 гг.» начинается с освещения причин наступившего голода и первых мероприятий властей по оказанию помощи пострадавшему населению. Основное содержание главы посвящено изложению вклада Предстоятеля Русской Православной Церкви в дело помощи голодающим Поволжья. Несмотря на пребывание под домашним арестом, святитель Тихон немедленно откликнулся на просьбу о помощи со стороны общественных деятелей, которые, в свою очередь, получили разрешение на организацию Всероссийского комитета помощи голодающим у руководства страны. Первоочередной мерой Патриарха стало его обращение к главам христианских церквей и народам мира. Затем последовало учреждение церковных комитетов помощи голодающих, сразу же начавших сборы пожертвований, а после их запрета — сотрудничество с Центральной Комиссией помощи голодающим при ВЦИК.

В первом параграфе первой главы «Обращение за помощью к народам мира и главам христианских Церквей летом 1921 г.» излагается предыстория, условия появления и результаты патриарших посланий к Папе Римскому, Архиепископу Кентерберийскому и епископу Нью-Йоркскому, а через них — к народам соответствующих стран. В течение первой недели июля 1921 г. текст обращений к народам Запада был согласован с властями, а во второй половине июля опубликован в зарубежной прессе. Он совпадал в основных положениях с аналогичным воззванием писателя М. Горького — указании на засуху как причину голода, описании бедственного положения населения и просьбе немедленной помощи хлебом и медикаментами. Через три недели последовало обращение Святейшего Тихона к зарубежным иерархам Русской Церкви, а также к Православным Патриархам, с призывом прислать населению Поволжья деньги и продовольствие. Письмо Председателю Синода Константинопольской Церкви было написано 1 августа 1921 г., второе письмо в адрес Римского Престола 5 августа 1921 г.¹³⁵. Русские архиереи, эмигрировавшие из России, вслед за свт. Тихоном также обратились с призывом помощи к Главам Православных Церквей. В эти же дни святитель Тихон составил послание, известное под

¹³⁵ ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 154. Л. 11.

названием «К народам мира и к православному человеку» и опубликованное 22 августа в бюллетене Всероспомгола «Помощь».

Обращения Патриарха имели положительные последствия. Главы Церквей ответили согласием использовать все возможные средства для оказания помощи голодным. Папа Бенедикт XV не ограничился собранной суммой в один миллион лир, которая была выслана на борьбу с голодом своим представителям — митрополиту Роппу в Варшаве и архиепископу Цепляку в Петрограде. В августе 1921 г. он обратился к Лиге наций в Женеве, а также всем государствам, которые имели представителей при Ватикане, с просьбой об оказании помощи России. Такой же призыв Папа адресовал через своего нунция в Париже Черетти Верховному Совету стран, победивших в Первой мировой войне¹³⁶. Сменивший его на Престоле в феврале 1922 г. Пий XI пожертвовал голодающим 2,5 млн лир. В связи с голодным бедствием в Поволжье во всех храмах епархий Вселенского Патриаршего Престола начался общий сбор пожертвований¹³⁷. Такие же сборы в русских храмах Европы, Азии, Африки и Америки были объявлены в августе Высшим Церковным Управлением Русской Церкви за границей¹³⁸.

Кроме централизованного сбора финансовых ресурсов, помощь зарубежных религиозных организаций стала разворачивать в виде отправки в Россию благотворительных миссий. В этой форме началась деятельность в стране католиков, квакеров и американских меннонитов. Первые две миссии действовали в составе Международного Комитета Помощи голодающим, возглавляемого Ф. Нансеном, последние — в тесном сотрудничестве с «Американской администрацией помощи» (ARA, American Relief Administration), у которой и закупали необходимые голодающим пайки. Еще одним направлением зарубежной помощи со стороны общин верующих стала отправка продовольственных посылок и денежных средств непосредственно в адрес Патриарха. В ответ на присылаемую помощь Патриарх Тихон направлял в ARA небольшие записки с просьбой благодарить от его лица всех жертвователей и распределять полученное среди голодающего населения, прежде всего, духовенства, которое, как «нетрудовой элемент», было исключено из советской системы государственного снабжения.

В параграфе отмечается, что поскольку обращения Святейшего Тихона к международному сообществу имели религиозный характер и конфессиональных посредников, самый важный для страны отклик на бедствие был получен на имя М. Горького от руководителя благотворительной негосударственной ассоциации Г. Гувера (ARA). Как только правительство убедилось в серьезности намерений Гувера, оно незамедлительно ограничило полномочия Всероспомгола по работе за границей и масштаб церковной помощи внутри страны. Несмотря на то, что 10 октября 1921 г. Патриарх Тихон был официально приглашен американцами стать представителем Церкви в российском комитете ARA, он, ссылаясь на тяжелое положение Русской Церкви в стране, вынужден был отказаться от

¹³⁶ Винтер Э. Политика Ватикана в отношении СССР 1917–1968. Ч. 3. М., 1977. С. 66.

¹³⁷ ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 154. Л. 11.

¹³⁸ Церковный сбор за границей на русских голодающих // Новое время. 1921. 31 августа. № 105. С. 3.

приглашения¹³⁹. Впоследствии, освещая предысторию заграничной помощи голодающим, представители ЦК Помгол ни словом не обмолвились о каком-либо участии в ней Святейшего Тихона¹⁴⁰. В отличие от советских помгольцев сотрудники Американской администрации помощи об этом не забыли и в итоговых отчетах связывали начало своей деятельности в России с воззваниями Патриарха Тихона и писателя Максима Горького, опубликованными в американской прессе¹⁴¹.

Во втором параграфе «Создание и руководство деятельностью Церковных комитетов помощи голодающим» рассматриваются мероприятия, к которым приступил Святейший Тихон с целью организации необходимой помощи голодающим. 5 августа 1921 г. святитель официальным письмом уведомил Президиум Всероссийского Помгола о создании Церковного комитета помощи голодающим и своем решении взять на себя общее руководство комитетом. В основу работы Церковного комитета были положены статьи декрета ВЦИК от 21 июля 1921 г. о Всероссийском комитете помощи голодающим, в президиум которого Патриарх предполагал отправлять отчеты по всем операциям. В число условий успешной работы Церковного комитета Святитель Тихон включил: право сбора денежных и материальных пожертвований с помощью устных проповедей, печатных воззваний религиозно-нравственных чтений и духовных концертов возможность получать, в том числе через Всероссийский Помгол, продовольствие и денежные средства из-за границы; право на организацию столовых общественного питания, продовольственных складов, пунктов медицинской помощи, независимость комитета от контроля Рабоче-Крестьянской Инспекции; защиту собранных средств от конфискации и их направление на широкую помощь голодающим без различия их национальности, вероисповедания, сословной и классовой принадлежности¹⁴². Патриарший план действий предполагал комплексную помощь пострадавшим губерниям, имея добровольный и, что важно, доверительный характер — только таким образом можно было привлечь к пожертвованиям тех людей, которые по понятным причинам доверять советской власти не могли. Начало организованных церковных сборов было положено на всенародном молении в Храме Христа Спасителя 5 августа 1921 г., а 17 августа свт. Тихоном было отправлено письмо во ВЦИК с просьбой не отказать во всеобщем осведомлении о существовании Церковного комитета помощи голодающим, его правах и необходимости оказания ему всемерной поддержки со стороны всех учреждений республики.

Однако, вскоре Всероссийский Комитет помощи голодающим, в рамках которого действовали церковные комитеты, был распущен, а его участники подверглись преследованиям. В связи с этим событием, даже условная легитимность сборов на нужды голодающих местными церковными комитетами Помгол оказалась под вопросом. 31 августа Святейший Тихон еще раз обратился к руководству ВЦИК: он просил как можно скорее утвердить Положение о Церковном комитете с тем, чтобы можно было официально объявить о начале

¹³⁹ Иванова Е. В. Святейший Патриарх Тихон и голод... С. 515.

¹⁴⁰ Итоги борьбы с голодом в 1921–22 гг... С. 332.

¹⁴¹ ГАРФ. Ф. Р–1065. Оп. 3. Д. 48. Л. 150.

¹⁴² Изъятие церковных ценностей в Москве... С. 137.

его деятельности¹⁴³. Зависимый от Политбюро ВЦИК продолжал игнорировать обращение Главы Русской Церкви, что не могло не привести к недоумениям в вопросе о судьбе пожертвований среди верующих. Вскоре выяснилось, что запрет Всероспомгола распространяется и на Церковный комитет Помгол, в связи с чем, по свидетельству современников, «все суммы, собранные в церквях, а также продукты, поступившие в пользу голодающих через церковные учреждения, по требованию правительства были сданы полностью в государственные учреждения»¹⁴⁴. Несмотря на то, что власть несколько месяцев игнорировала церковную инициативу, православные приходы и духовенство явочным порядком продолжали доставлять пожертвования в губернские комиссии Помгол не только зимой, но и весной 1922 г., то есть в период кампании по насильственному изъятию церковных ценностей.

В третьем параграфе «Переговоры с ЦК Помгол при ВЦИК и включение в церковные сборы церковных ценностей» освещаются генезис и функции Центральной Комиссии помощи голодающим, созданной правительством в качестве альтернативы независимым общественным, в том числе церковным организациям. Здесь же описан важнейший контекст начала переговоров между Патриаршим управлением и ЦК Помгол при ВЦИК — резко возросшая смертность в бедствующих губерниях. При этом непосредственной причиной, побудившей Политбюро ЦК РКП(б) пересмотреть вопрос о церковной помощи голодающим, стала инициатива Центрального духовного управления мусульман внутренней России и Сибири¹⁴⁵. 5 декабря 1921 г. данный вопрос слушался в Политбюро, которое, наконец, решилось признать необходимость сборов на голодающих в храмах всех религий, но так «чтобы была исключена возможность использования этого в целях религиозных демонстраций»¹⁴⁶.

1 февраля 1922 г. состоялось подписание между представителями Патриарха и ЦК Помгол «Положения об участии Православной Русской Церкви в деле помощи голодающим»¹⁴⁷. В эти дни стороны недвусмысленно договорились как о добровольном характере сборов, так и о включении в них части церковных ценностей. Ограничения касались только вещей, непосредственно связанных с Бескровной Жертвой, то есть евхаристических сосудов, имеющих строго богослужебный характер. Первый параграф нового Положения предоставлял Патриарху право обратиться с вехом органов власти с воззванием к населению России и других стран. 6 февраля 1922 г. воззвание было готово и подписано Патриархом. В нем наряду с призывом к милосердию и необходимости русскому народу прийти на помощь страдающим от голода людям была сформулирована позиция Патриарха по церковным ценностям, допускавшая возможность использовать на помощь голодающим драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления¹⁴⁸.

Согласие сторон в обсуждаемом вопросе не означало полного удовлетворения ожиданий церковного общества в отношении полученного,

¹⁴³ Там же. С. 142.

¹⁴⁴ Патриарх Тихон в 1920–1923 гг... С. 65.

¹⁴⁵ *Петров С. Г.* Документы делопроизводства... С. 49.

¹⁴⁶ Там же. С. 49.

¹⁴⁷ Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. Кн. 2. С. 10.

¹⁴⁸ Там же. С. 11.

наконец, разрешения на сборы голодающим. Содержание нового Положения и Инструкции к нему отличалось от патриаршего плана не только тем, что собранные верующими пожертвования следовало теперь сдавать в комиссии Помгол, — сами сборы подлежали контролю со стороны ЦКПГ и органов Рабоче-Крестьянской Инспекции. Направляя общественную активность верующих в приемлемое для себя русло, власти по идеологическим соображениям свели предлагаемую Церковью поддержку голодающих до тарелочных сборов в храмах и частных домах, а необходимые лекции и концерты ограничили пределами прихода¹⁴⁹. Масштаб церковной деятельности, несмотря на очевидную нужду, госорганами был определен, по словам святителя Тихона, «в чрезвычайно узких рамках»¹⁵⁰. В то же время подмена общественного контроля государственным не сняла, а обострила проблему доверия властям в вопросе учета, сохранности и назначения ценностей. Опасения верующих вскоре получили непосредственное подтверждение в одном из худших вариантов развития событий.

Вторая глава «Отношение Святейшего Тихона к насильственному изъятию ценностей из действующих храмов» содержит вводные замечания о деятельности Комиссии Троцкого и его предложению о подготовке декрета ВЦИК об изъятии церковных ценностей. Подготовку данная комиссия разбила на две стадии: секретную и публичную. На первой стадии в течение января 1922 г. планировалась негласное вовлечение в кампанию различных лиц и «передовых» групп из рабочих, крестьян, делегатов голодающих районов, а также лояльного власти духовенства, способных разъяснить обществу необходимость поступиться частью церковных ценностей ради «спасения» страны от ужасов голода. Вторая стадия подразумевала открытое и энергичное выступление всех ангажированных сил, так чтобы «агитация в прессе, резолюции собраний, постановления Советов были вполне согласованы и били в одну точку, парализовав всякую возможность сопротивления»¹⁵¹.

В соответствии с решениями комиссии, в январе 1922 г. в прессе стала разворачиваться агитационная кампания за изъятие церковного имущества, стремящаяся продемонстрировать как требуемые власти тождественные точки зрения различных слоев населения, так и недостаточность добровольных пожертвований со стороны приходских общин¹⁵². Последовавшая далее публикация декрета ВЦИК об изъятии церковных ценностей от 23 февраля 1922 г. вызвала естественное возмущение у Патриарха Тихона, который в связи с выпуском послания от 6 февраля, оказался в двусмысленном положении «обманщика» верующих. Вместе с тем поспешность с выпуском декрета создала

¹⁴⁹ Там же. С. 9.

¹⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 97. Д. 54а. Л. 38.

¹⁵¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 339. Л. 459.

¹⁵² См.: Церковные ценности — в пользу голодающих // Беднота. 1922. 24 января. № 1131. С. 2; Голос голодающих крестьян // Известия ВЦИК. 1922. 29 января. № 22. С. 1; О богатствах церкви // Известия ВЦИК. 1922. 1 февраля № 24. С. 3; *Сосновский Л. С.* «Кашей на сундуке» // Правда. 1922. 5 февраля. № 28. С. 2 и др. Вырезки с указанными статьями наклеивались на бумажные листы, которые подшивались в делопроизводственную папку Комиссии Троцкого в качестве отчетов по исполнению ее постановлений (см.: РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 339. Л. 263, 268–270, 272–280).

неудобства и для советских агитаторов: она фактически отменяла тщательно разрабатываемый в прессе аргумент о недостаточности добровольных пожертвований, поскольку Церкви так и не дали осуществить эту возможность. Внезапность решения Президиума ВЦИК, принятого сразу после достигнутой договоренности между ЦК Помгол при ВЦИК и Патриархом, ставила под вопрос политическую вменяемость и общественное реноме высшего органа власти.

В главе раскрываются причины патриаршей реакции на антицерковный декрет в виде письма председателю ВЦИК М. И. Калинину от 25 февраля 1922 г. и послания верным чадам Российской Православной Церкви от 28 февраля 1922 г. Несмотря на то, что Калинин не ответил Святейшему Тихону, членом Президиума ЦК Помгол А. Н. Винокуровым по этому поводу было составлено заключение с возражениями против патриаршей аргументации как «недоразумения», которые освещаются во второй главе в качестве проявления безответственности и политического лицедейства чиновников ЦКПГ. Отдельные параграфы главы посвящены защите свт. Тихоном церковной точки зрения на изъятие священных сосудов в Московском Ревтрибунале и на допросах в период пребывания в заключении. Здесь же проводится анализ патриаршего компромисса с властями, при котором ему пришлось ради освобождения с целью противостояния организованному надзорными органами церковному расколу, согласиться с признанием собственной «вины» перед советской властью.

В первом параграфе второй главы «Патриаршее послание от 28 февраля 1922 г.: разногласия среди духовенства и поддержка большинством верующих» рассматриваются обстоятельства появления и содержание патриаршего послания от 28 февраля 1922 г., квалифицировавшего объявленную в декрете акцию в качестве святотатства. Особое внимание уделяется причинам неполноты послания, а также публичной критике приведенных в нем ссылок на 73-е Апостольское правило и 10-е правило Двукратного Собора, призванных обосновать канонический запрет на небогослужебное употребление священных сосудов. Неполнота заключалась в следующем: во-первых, в тексте послания не были оговорены принятые Церковью на практике исключения из указанных правил, касавшихся возможности пожертвований евхаристических предметов, в том числе на помощь голодающим; во-вторых, в послании отсутствовали не только прямые указания, но и рекомендации в отношении образа действий верующих в связи с началом изъятия. Такие умолчания делали упоминаемые в нем ссылки на каноны формально уязвимыми и требовали дополнительных интерпретаций, за которые немедленно взялись оппоненты Святейшего Тихона. Кроме того, они не могли удержать выход стихийных протестов против изъятия в некоторых местах за рамки мирных манифестаций к силовому противостоянию военным отрядам, что не входило в намерения Патриарха.

Причиной неполноты являлось компромиссное решение двух важнейших проблем. Первая была связана с недоверием святителя к правительственным заявлениям о реализации церковных ценностей на борьбу с голодом¹⁵³ с вытекающей отсюда собственной ответственностью перед Церковью за их употребление на государственные цели. Официально и категорично объявить о

¹⁵³ См.: Переписка Святителя Тихона Патриарха Всероссийского и митрополита Евлогия (Георгиевского)... С. 111.

своем недоверии властям Патриарх Тихон не мог, поскольку рассчитывал на возобновление переговоров с ними для поиска взаимоприемлемых решений. Вопрос неполной обоснованности собственных ссылок на каноны Святейший Тихон понимал и вскоре предложил корректный способ его решения. Для демонстрации правомерности своей позиции уже через две недели после выпуска послания в беседе с корреспондентом газеты «Известия ВЦИК» он указал на многочисленные факты сомнений в среде самих верующих, которые опасались, что переданные губкомиссиям церковные предметы могут быть направлены на кощунственные цели¹⁵⁴.

Рассказать о подобных фактах в послании было невозможно: между первой публикацией в газетах декрета ВЦИК об изъятии церковных ценностей и выпуском патриаршего послания прошло только четыре дня, то есть слишком мало времени для публичной ссылки на реакцию прихожан. Выпустить же послание позднее означало оставить духовенство и паству без официальной патриаршей оценки антицерковной государственной акции в наиболее ответственный момент начала изъятия, которое очевидно противоречило недавно высланному в епархии посланию от 6 февраля. Таким образом, важнейший аргумент Патриарха о народном недоверии к властям, несмотря на отсутствие в послании от 28 февраля, все же прозвучал, причем так, что его услышали не только в отечестве, но и за границей¹⁵⁵.

Вторая проблема вытекала из правового положения православной иерархии, которой по советским законами было запрещено осуществлять финансовые и административно-хозяйственные функции в отношении приходских общин. В этих условиях прямые указания пастве со стороны духовенства о способах защиты святынь, немедленно вызвали бы череду арестов по церковной иерархии. В то же время отсутствие в послании даже осторожных рекомендаций по этому вопросу, возможно, являлось следствием компромисса в ситуации определенного расхождения патриаршей позиции со взглядами окружавших его лиц. Отказавшись от протестного характера послания, который был предложен ему архиепископом Никандром (Феноменовым), Патриарх Тихон все же посчитал возможным не ограничивать возможный спектр легальных форм спасения святынь только просьбами прихожан. Нельзя исключить и того, что святителю пришлось учитывать существование большого количества верующих, недовольных «слабостью» и «уступчивостью» большевикам его воззвания от 6 февраля 1922 года¹⁵⁶.

Что касается ссылок св. Тихона на каноны, в параграфе подчеркивается, что именно приведенное им 73-е Апостольское правило содержалось в постановлении Священного Собора Российской Церкви от 7 февраля 1918 г. в связи с выходом декрета об отделении Церкви от государства. Собор объявил декрет актом открытого гонения на Церковь, связанного, в том числе с отображением церковных имуществ и, опираясь на 73-е Апостольское правило и 13-е правило VII Вселенского Собора, указал на несовместимость участия в

¹⁵⁴ См.: Церковные ценности для помощи голодающим (Беседа с Патриархом Тихоном) // Известия ВЦИК. 1922. 15 марта. № 60. С. 5.

¹⁵⁵ См.: *Воронович Н.* Изъятие церковных ценностей // *Голос России.* 1922. 7 апреля. С. 2.

¹⁵⁶ Патриарх Тихон в 1920–1923 годах... С. 68.

попытках его проведения в жизнь с принадлежностью к Православной Церкви¹⁵⁷. Таким образом, Патриарх последовательно действовал в русле соборных постановлений о защите святынь от посягательства властей, а оговоренные в комментариях епископа Никодима (Милаша) к Правилам Православной Церкви исключения в связи с примерами благотворительности, обоснованно не принимал во внимание — как не принимал их во внимание и Собор.

Критика патриаршей позиции со стороны лояльных власти священников, вставших на путь подготовленного в Комиссии Троцкого церковного раскола, была запланированным мероприятием и носила ярко выраженный агитационный характер. Главный аргумент по сути сводился к организованному властями «церковному контролю» за ходом изъятия ценностей, призванному доказать их направление на помощь голодающим. К контролю, естественно, были допущены лишь обновленцы, которые содействовали госорганам в качестве осведомителей и активных участников изъятия святынь. Их сотрудничество с властью было оплачено в соответствии со сметой ВЦИК по расходам на изъятие ценностей¹⁵⁸.

Несмотря на масштабную агитационную кампанию, инициированную Троцким, взгляды Патриарха на изъятие церковных ценностей получили поддержку большинства верующих. Вместе с тем из-за отмеченной выше неполноты патриаршего послания проблема обоснования отказа в благословении на выдачу священных сосудов встала перед каждым епархиальным архиереем. Ее решение достигалось как за счет предельно общих указаний на каноны в целом, так и путем следования в той или иной части содержанию обоих февральских посланий Патриарха. В единичных случаях иерархи пошли на публичную детализацию и связанные с ней собственные коррективы к позиции Святейшего Тихона. В качестве иллюстрации подобных вариантов в параграфе рассматриваются епархиальные обращения к своей пастве митрополитов Вениамина (Казанского) и Сергия (Страгородского).

В конце марта 1922 г. Патриарху пришлось защищать свои взгляды на допросах в Госполитуправлении, которое предъявило святителю ультимативные требования по прекращению противодействия со стороны духовенства декрету ВЦИК. Хотя Святейший Тихон согласился выполнить некоторые политические требования ГПУ, пересмотра точки зрения, выраженной в послании от 28 февраля 1922 г., не произошло.

Во втором параграфе «Защита свт. Тихоном церковной точки зрения на изъятие священных сосудов в Московском Ревтрибунале» излагается аргументация Патриарха в защиту церковных святынь, включая возражения на уже известные ему контраргументы, на допросе в качестве свидетеля в Трибунале. Анализ материалов допроса позволил сделать вывод о том, что точка зрения святителя в отношении способа защиты святынь, будучи детально продуманной, оказалась недостижимой для обвинения.

¹⁵⁷ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 6. М., 1996. С. 72.

¹⁵⁸ См.: *Иванов С. Н.* Хронология обновленческого «переворота» в Русской Церкви по новым архивным документам // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 3 (58). С. 54.

По поводу патриарших ссылок на каноны сторона обвинения первым делом пыталась доказать их ложность тем, что власть не может красть собственное имущество. На это святитель Тихон резонно заметил, что именно по канону имущество храмов и принадлежит Церкви. Вслед за неудачной попыткой применить советское имущественное право последовали аргументы «церковной экспертизы» послания, будто бы установившей как его нерелигиозный характер¹⁵⁹, так и неправомерность оценки изъятия священных предметов для целей милосердия в качестве святотатства. Патриарх не согласился с выводами экспертизы: несмотря на то, что вопрос управления церковным имуществом не является вероучительным, в силу его церковно-канонического характера он относится к числу религиозных; затем, эксперты не указали, что призванные обосновать их выводы в вопросе о святотатстве примеры древних святителей связаны с самостоятельной церковной благотворительностью, не имеющей ничего общего с насильственным изъятием. Да и экспертиза при других условиях могла быть совершенно иной.

В ответ на рассуждения обвинителя о возможности патриаршего благословения на передачу богослужебных сосудов властям, коль скоро возможность этого все-таки имелась, святитель отреагировал замечанием о своей ответственности перед судом Церкви¹⁶⁰. Попытку обвинителя навязать ему нравственную дилемму о выборе между сохранением вещей и гибелью миллионов голодающих он отклонил, указав, что так ставить вопрос, зависящий от множества условий, — неправомерно. Этими словами Патриарх Тихон кратко обозначил проблему недоверия властям и организованному ими «церковному» контролю изъятия ценностей. Однако, у подобного объяснения были определенные ограничения. Если в марте 1922 г. Патриарх мог использовать для обоснования своей позиции фактор недоверия властям со стороны верующих, то уже с начала апреля, когда в прессе появились первые сообщения о закупке хлеба за границей «на церковные ценности», этот аргумент начинал терять свое публичное значение. В новой ситуации Патриарху требовалось решение, не связанное с проблемой доверия, и использованные им ссылки на каноны содержали такую возможность. Важный корректив был озвучен уже в Московском Трибунале и состоял в смещении акцента на Двукратный Собор, при оставлении за 73-м Апостольским правилом вспомогательного значения. Именно в 10-м правиле Двукратного Собора речь шла о святотатстве как похищении святыни, а без одобрения Предстоятеля Русской Церкви изъятие священных предметов из храмов и становилось таким похищением, независимо от декларируемых целей, для которых оно будто бы и предпринималось.

В третьем параграфе «Сохранение Патриархом оценки действий властей как святотатства на допросах 1922–1923 гг.» обосновывается вывод о том, что во время нахождения под арестом с начала мая 1922 г. до середины июня 1923 г. взгляды свт. Тихона на кампанию по изъятию священных сосудов из храмов

¹⁵⁹ В действительности результаты экспертизы по этому вопросу были сфальсифицированы в суде. Из четырех экспертов двое (Н. Д. Кузнецов, священник Сергей Ледовский) считали послание строго религиозным, другие двое (епископ Антонин (Грановский), священник Сергей Калиновский) — не строго религиозным (см.: *Голубцов С., протодиак.* Первый московский процесс 1922 года... С. 88).

¹⁶⁰ Следственное дело Патриарха Тихона... С. 137.

существенно не изменились. Ни на одном из допросов Патриарх не одобрил данную акцию советской власти, как не мог он одобрить никакого насилия над Церковью. Неверными он назвал лишь свои показания на допросе от 2 января 1923 г., где он заявил, что «считал изъятие ценностей святотатством»¹⁶¹. При этом Святейший Тихон изменил показания не на противоположное утверждение, а на уточняющее суть дела: по его мнению, святотатство советской власти заключалось в том, что она решила изъять ценности «помимо Патриарха»¹⁶², другими словами, действовала в церковном доме как вор и грабитель. Данное уточнение по-прежнему оставалось в рамках ранее указанных святителем ссылок на каноны, в частности, на Двукратный Собор.

Изучение протоколов, относящихся к допросам Патриарха, позволило обнаружить в материалах обвинительного заключения важный для нашей темы подлог следователей. 11 января 1923 г. на допросе особоуполномоченного ГПУ Я. С. Агранова святитель Тихон согласился с тем, что «выдача и употребление властью церковного имущества и священных предметов на дела милосердия, как, например, на дело спасения голодающих, не является святотатством и не противоречит каноническим правилам»¹⁶³. Данное суждение не было переменной патриарших взглядов и не противоречило учению Церкви. Понимая недостаточность такого рода заявления, следователь в обвинительном заключении заменил в утверждении Патриарха слово «выдача» на слово «изъятие» и тем самым устранил необходимость патриаршей санкции на передачу освященных сосудов госорганам. В ответ на это Предстоятель Русской Церкви прямо в тексте собственного заявления в Верховный суд указал на неточности, допущенные в обвинительном заключении по его делу.

В четвертом параграфе «Признание «вины» перед советской властью: что осталось за рамками компромисса?» предлагается характеристика основных условий компромисса святителя Тихона с властью, на который он решился ради освобождения из заключения для борьбы с обновленческим расколом. Первосвятитель согласился, несмотря на вынужденность уступок, не на все требования Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б). Признавая себя виновным перед советской властью за составление послания от 28 февраля 1922 г., Патриарх ни разу не назвал его собственной или церковной ошибкой. Вместо объявления ожидаемой «лояльности» властям он говорил об аполитичности Церкви, а также отказался от предложенных ему отрицательных оценок глав Англиканской Церкви и Константинопольского Патриархата.

В заключение параграфа формулируется принципиальный вывод о значении аполитичной позиции Патриарха в церковно-государственных отношениях этого периода: при наличии доброй воли у руководства страны, ее было достаточно для конструктивного диалога о лояльности церковного общества. Однако, доброй воли со стороны членов Политбюро ЦК РКП(б) — реальных правителей России, не было, а лояльность верующих использовалась госорганами для разложения Церкви. Между тем выход Патриарха из заключения полностью нарушил их планы. Результаты усилий святителя Тихона

¹⁶¹ Там же. С. 188.

¹⁶² Там же. С. 190.

¹⁶³ Там же. С. 190.

по борьбе с обновленчеством и восстановлению Церковного Управления доказали, что, его компромисс с властями в 1923 г. был таким же необходимым и верным, как и его неприятие антицерковного декрета об изъятии ценностей.

В третьей главе «Святитель Тихон и реализация изъятых церковного имущества» рассматриваются представления Патриарха о действительных целях изъятия ценностей, а также итоги реализации изъятых храмового имущества. Здесь же даны необходимые замечания об экономическом и политическом контексте действий правительства в период борьбы с голодом 1921–1922 гг. и одновременной кампании по учету и сосредоточению в центре всех ценностей страны. В главе отмечается, что к церковным ценностям имели отношение три советские организации, так или иначе связанные с проблемами голода: Центральная Комиссия помощи голодающим, Центральная Комиссия по борьбе с последствиями голода и Особая Секция по восстановлению сельского хозяйства и предупреждению голода Комитета содействия сельскому хозяйству, состоящими при ВЦИК. По опубликованным данным, ЦК Помгол и ЦК Последгол продали церковных ценностей в пересчете на золотые рубли на сумму 4 648 217 руб. 57 коп., передали в Главмузей предметы стоимостью 426 514 руб. 31 коп. и оставили для Особой секции КССХ — в размере 1 502 200 руб. 78 коп.¹⁶⁴ ОС КССХ до конца своей деятельности в октябре 1925 г. продала церковных ценностей на сумму 2 499 430 руб. 17 коп.¹⁶⁵ Таким образом, общая стоимость реализованных в 1922–1925 гг. церковных ценностей выразилась в сумме 7 574 162 золотых руб. 05 коп. Вопрос заключается в том, какая это была реализация: о чем идет речь, если обещанные большевиками продажи церковных ценностей за границу с целью закупки хлеба для голодающих не состоялись? Ответ на этот вопрос дает последний параграф третьей главы.

В первом параграфе третьей главы «Недоверие Патриарха советской агитации и его представления о настоящих целях изъятия ценностей» излагаются собственные взгляды святителя Тихона в отношении направления изымаемых из храмов ценностей. Он, как и большинство верующих, не доверял лозунгам советской агитации о том, что они помогут спасти голодающих. Патриарх открыто говорил об этом не только близким людям, но и, когда надежда на продуктивный диалог с властями исчезла, — малоизвестным посетителям, приходившим к нему на Троицкое подворье. Одно из таких сообщений попало в прессу и было опубликовано 26 марта 1922 г. в «Известиях ВЦИК». Со слов корреспондента газеты, в беседе с «поволжскими делегатами» Святейший Тихон заметил, что верующие «скептически относятся к сдаче ценностей церквями: не верят, что попадут куда следует, а попадут в армию, а не голодающим. Знаете, где Троцкий? — спросил Патриарх. — Ведь вы знаете, что у нас раньше армия была в 800, 000, а теперь в 1 ½ миллиона. Она голодная»¹⁶⁶. При этом св. Тихон все-таки полагал, что ценности хотя и могут быть потрачены не на голодающих Поволжья, а на кормление армии, но все же не на техническое усиление ее боевой мощи. Он не хотел даже предположить, что в тяжелейших условиях

¹⁶⁴ См.: Итоги Последгол... С. 27.

¹⁶⁵ См.: Два года работы Особой секции... С. 4.

¹⁶⁶ Голодающие у Тихона // Известия ВЦИК. 1922. 26 марта. № 69. С. 2.

голодной катастрофы, о которой агитация кричала на каждом углу, у властей будет иной взгляд на направления расходования золотого фонда.

Между тем речь в верхах шла именно об этом. В подтверждение данного положения в параграфе рассматривается малоизученный в исторической науке эпизод вознаграждения Реввоенсовета за проведение кампании по учету и сосредоточению ценностей в виде 5 % от общей стоимости изъятого, которое было необходимо для «обороны республики» и создания армейских «мобзапасов». Здесь же приводятся расчеты самого Троцкого, обнаруженные в архивных делах Реввоенсовета. В соответствии с ними, получив в середине мая 1922 г. отчетную сумму по учтенным ценностям в 1080 млн золотых руб. и добавив приблизительную стоимость церковных ценностей в 15–20 млн руб., Троцкий определил искомую цифру в 1 100 млн руб. и легко вычислил причитающиеся армии 55 млн руб.¹⁶⁷ С этими данными он отправился на Пленум ЦК РКП(б), где 16 мая 1922 г. и сделал итоговый доклад «О кампании по извлечению ценностей»¹⁶⁸. История с 5% для Реввоенсовета развивалась по линии сокращения суммы до 25 млн золотых руб. и замены их дорогим сапфировым украшением, которое еще следовало продать западным покупателям. В итоге она закончилась с большим огорчением для Троцкого. За полугодовую работу по церковным и музейным (прежде всего, царским) ценностям, начатую Комиссией по драгоценностям в ноябре 1921 г., в 1922 г. военное ведомство не получило практически ничего из-за проблем с их реализацией, а 1923 г. уже не был таким голодным как предыдущие и позволял НКВоену опираться на другие источники финансирования.

Таким образом, недоверие святителя Тихона и его представления о возможной реализации церковных ценностей на армию были совершенно оправданными и зимой-весной 1922 г. соответствовали одному из направлений их реализации, запланированных руководством страны.

Второй параграф «Реализация церковных ценностей» состоит из двух разделов, в которых рассматриваются два важных вопроса: каким образом государственные органы и ЦК Помгол пытались скрыть действительное направление церковных ценностей и на что в конечном счете они были израсходованы. Решение указанных вопросов предваряется замечаниями о конфискаторской политике новой власти и сложившихся направлениях расходования золотого фонда республики накануне и в период проведения кампании по изъятию церковных ценностей. К числу последних отнесены следующие направления: 1) использование в импортных операциях; 2) продажа ценностей на внешних и внутренних рынках; 3) резервирование драгметаллов для обеспечения устойчивости новой отечественной валюты и возможного выпуска металлических денег в преддверии денежной реформы; 4) залог фонда драгоценностей с целью получения зарубежных кредитов, необходимых для восстановления промышленности и сельского хозяйства страны.

В первом разделе второго параграфа «Государство как покупатель церковных ценностей ЦК Помгол» анализируются финансовые и политические аспекты реализации церковных ценностей, изъятых в 1922 г. под лозунгом

¹⁶⁷ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 464. Л. 195.

¹⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 79. Л. 3.

помощи голодающим. Проведенное исследование дает основание утверждать, что никаких продаж церковных ценностей за границу с целью закупки хлеба для голодающих не было, а борьба с голодом и его последствиями осуществлялась из имевшихся в государственной казне средств. Кампания по изъятию ценностей из действующих храмов в 1922 г. затянулась почти до наступления урожая. Их сосредоточение в Москве заняло несколько лет. «Реализацией» ценностей власти объявили сначала предварительную и демонстративную закупку продовольствия на крайне незначительную сумму — 1 млн золотых руб., а затем их продажу за советские быстро обесценивающиеся рубли Центральной Комиссией помощи голодающим при ВЦИК Наркомату финансов по договору от 29 июля 1922 г. Превращение НКФина в покупателя ценностей означало, что «новым» их владельцем вновь становилось государство, о чем открыто говорили сами госчиновники. Естественно, что отказ НКФ платить твердой валютой за ценности Помгола привел к резкому сокращению без того незначительных хлебных поставок в голодающие губернии, ведь на советскую валюту невозможно было закупить продовольствие за границей, а в собственной стране хлеба практически не было из-за прошлогодней продрозверстки и неурожая.

Поступление денежных средств от НКФина на основании указанного договора было оформлено в 11-ти сделках и растянуто до конца 1925 г. Последнее перечисление за остаток церковных ценностей состоялось в январе 1926 г. В соответствии с содержанием указанных соглашений, стоимость церковных ценностей, переданных НКФину с 31 июля 1922 г. по 16 января 1926 г., составила в пересчете на золото — 7 194 784 руб. 52 коп.¹⁶⁹ Из них 319 788 руб. 08 коп. или 4,44 % приходилось на 22 п. 25 ф. 15 з. 76 д. золота, 6 177 596 руб. 47 коп. или 85,86 % — на 27 590 п. 11 ф. 05 з. 84 д. серебра, 613 205 руб. 65 коп. или 8,52% — на драгоценные камни и 84 194 руб. 32 коп. или 1,18 % — на медь, ткани, хозяйственные вещи и прочее. В разделе освещается история безуспешных попыток борьбы членов ЦК Помгол за получение золотых кредитов, а также указывается на двойные стандарты Наркомата финансов в оценке изъятого из храмов имущества, благодаря которым финансовое ведомство получило на «борьбе с голодом» значительную прибыль за счет заниженных покупных цен на церковные ценности. Это значит, что стоимость церковных ценностей по внутренней отчетности НКФина составила более 17 млн золотых руб.

Настоящая реализации изъятых из храмов ценностей, растянувшись на годы, осуществлялась по двум направлениям: сплав металла с последующей чеканкой монеты и продажи из Гохрана, а также из музейных фондов страны. Продажами занимались не только Наркомвнешторг, но и подразделения НКФина — Отдел по реализации ценностей и сменившая его в конце 1922 г. Комиссия по реализации ценностей. В марте 1923 г. для продажи внутри СССР гохрановских, в том числе церковных ценностей, при Комиссии был организован собственный магазин под вывеской Московского ювелирного товарищества (МЮТ). С июня 1925 г. МЮТ предоставили право выхода на международный рынок, поставив задачу максимально быстрой продажи всех, годных для

¹⁶⁹ Здесь приводятся данные без вычета 5 % от стоимости металлов и 2 % от стоимости драгоценных камней, удерживаемых НКФинансом для оплаты орграсходов.

реализации, ценностей Гохрана. После ликвидации МЮТ в 1927 г. его функции перешли к Ювелирной конторе Мосторга, а в 1928 г. сбытом церковного антиквариата за границу стала заниматься контора Госторга «Антиквариат».

Во втором разделе второго параграфа «Церковное серебро в денежной реформе 1922–1924 гг.» содержится обоснование утверждения о том, что основная масса церковных ценностей была израсходована не на что иное, как изготовление монет, предусмотренное денежной реформой 1922–1924 гг. Доказательством этого тезиса послужила отчетность различных структурных подразделений НКФина и НК РКИ, из которой следовало, что: 1) уже в период проведения кампании по изъятию и доставке церковных ценностей в Государственное хранилище, последнее рассматривалось как основной источник серебра для чеканки монет на Петроградском Монетном дворе; 2) церковное серебро присутствовало в отчетах об отправке металла на Монетный двор и ведомостях количества металла, предназначенного для чеканки монет; 3) для исполнения производственных программ по чеканке требовался объем серебра, превосходивший имевшиеся запасы, что повлекло за собой приобретение металла на зарубежных рынках и скупку монеты имперского чекана у населения страны. Потребность в драгметаллах существовала вне зависимости от проблемы голода 1921–1922 гг. и определялась отказом большевистских вождей от курса на безденежное хозяйство. Отсюда возникала необходимость выхода из существовавшего валютного хаоса за счет реформы денежного обращения с предполагаемым использованием золота и серебра.

Обещанного правительством населению размена бумажных банкнот–червонцев на золото не произошло. Серебро же, имея более вспомогательное и психологическое значение, служило для повышения доверия к бумажной казначейской валюте. При этом доля отобранного у церковных приходов в 1922 г. серебра составила чуть менее 10 % от общего количества серебра, затраченного на монеты в 1921–1931 гг. В свою очередь, выпуск серебряной монеты был поставлен в зависимость от роста денежной массы и в 1925–1926 гг. составлял «около 10 % всей находящейся в обращении денежной массы с небольшими колебаниями в ту или другую сторону»¹⁷⁰. В следующие годы эти колебания сменились понижением, а затем и исчезновением монеты из оборота в результате ее тезаврации населением.

Настоящий раздел завершает воссоздание исторического контекста реализации церковных ценностей, требуемого для верной оценки позиции Святого Патриарха Тихона, вставшего по голосу своей совести и первосвятительского долга на защиту христианских святынь от поругания, не взирая на «благопристойную» ложь о помощи голодающим и преследование со стороны богоборческой власти.

В заключении диссертационного исследования подводятся общие итоги, формулируются выводы, содержащие основные результаты проведенной работы.

¹⁷⁰ Объяснительная записка к отчету Народного Комиссариата Финансов Союза ССР об исполнении единого государственного бюджета Союза Советских Социалистических Республик за 1925–1926 г. М., 1927. С. 82.

По теме диссертации автором опубликованы статьи:

1) *Иванов С. Н.* О причинах передачи св. Патриархом Тихоном канцелярских дел группе священников в мае 1922 г. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 3 (40). С. 17–35.

2) *Иванов С. Н.* Хронология обновленческого «переворота» в Русской Церкви по новым архивным документам // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 3 (58). С. 24–60.

3) *Иванов С., диак.* Финансы и политика в реализации изъятых в 1922 г. церковных ценностей // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 5 (66). С. 36–60.

4) *Иванов С., диак.* Церковное серебро в денежной реформе 1922–1924 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 6 (67). С. 38–63.